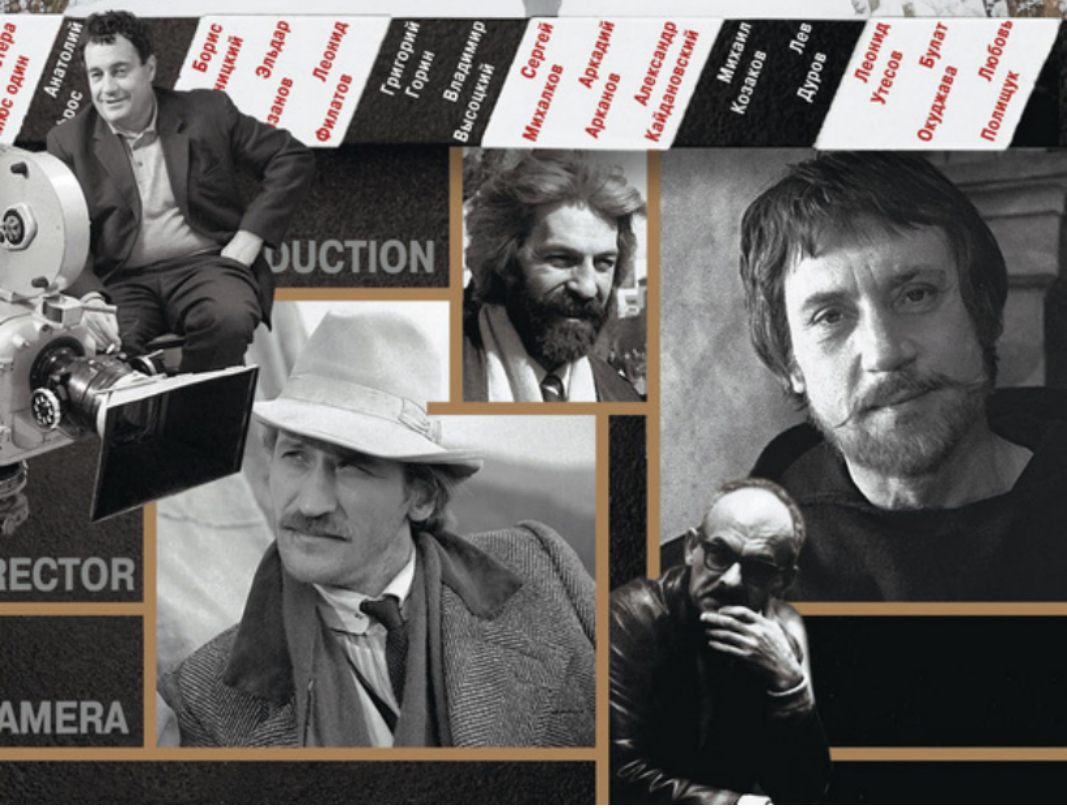
АПЛОДИСМЕНТЫ ПОСЛЕ...

ВЛАДИМИР КАЧАН



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Владимир Качан – Народный артист России, музыкант, писатель, думающий, многоопытный, наблюдательный человек… Представляем уникальную книгу Владимира Андреевича – воспоминания о людях-звёздах, звёздах, жизнь которых прервалась, но не погасла, они и поныне ярко светят нам своим талантом…

Название этой книги – «Аплодисменты после…» – правильное, отвечающее содержанию, но не полное. Потому что персонажи этой книги по-прежнему действуют на наше воображение, наши чувства, наши привязанности и антипатии. Они продолжают жить с нами, и всякий раз, когда нам удаётся встретиться с ними на экране, в книге и в чьём-то живом рассказе, мы с радостью ещё и ещё раз аплодируем им, понимая, что каждый из них сделал нашу жизнь богаче и праздничнее.

- В. А. Качан
  -
  - Вступительное слово
  - Предисловие от автора
  - Леонид Филатов
    -
    - Бурные, продолжительные…
    - Бело-розовая пастила для Леонида Филатова
  - Аркадий Арканов
    - Сатирик-джентльмен
  - Владимир Высоцкий
    - Гори, гори, его звезда…
  - Григорий Горин
    - ГИГ – формула успеха
  - Лев Дуров
    - Часть первая
    - Часть вторая
    - Часть третья
    - Эпилог
  - Александр Кайдановский
    - Каин
  - Михаил Козаков
    - Легенда
  - Сергей Михалков
    - Казалось бы, баснописец…
  - Леонид Утёсов

        - Старый мальчик из Одессы
    - Булат Окуджава
        - Ангел Безбожного переулка
    - Любовь Полищук
        - Любовь
    - Эльдар Рязанов
        - Большой Эльдар
    - Борис Хмельницкий
        - Робин Гуд в актёрской шайке
    - Анатолий Эфрос
        - И тогда придёт Эфрос
    - Три мушкетёра плюс один
        - Последний спектакль
        - Двадцать лет спустя
    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

В. А. Качан
Аплодисменты после…

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Киноконцерн «Мосфильм». Кадры из к/ф: «Маленькие трагедии», «Кто заплатит за удачу»; Фотоматериал к к/ф «Зигзаг удачи», 2017

© Качан В. А., 2017

© «Центрполиграф», 2017

Вступительное слово

Книгоиздатели и книгопродавцы последние годы очень полюбили такой жанр в литературе, как мемуары. В этом жанре книги хорошо продаются, у них высокий рейтинг. Многим обывателям хочется знать, как же там жили великие известные люди? Я эту литературу в последнее время не покупаю и не читаю. Авторы в своих книгах зачастую пытаются унизить великих талантливых известных людей, дабы возвысить себя. Эта мода началась с журналистов. Журналисты в своих статьях с какой-то особой ненасытностью стараются очернить известного, любимого читателями или зрителями творческого человека. Понятно, почему: сами чувствуют свою бесталанность, и потому пытаются возвыситься за счёт унижения другого. К сожалению, вот эти литературные нечистоты стали пользоваться успехом. Всё больше появляется мемуаров, в которых, допустим, известные люди описывают свои связи с актрисами, рассказывают о недостатках женщин, с которыми они встречались, почему развелись. Мне это лично читать противно. Для того чтобы описать чьи-то недостатки и кого-то унизить, дара особого и таланта не нужно. А для того чтобы рассказать о добрых, светлых качествах кого-то, нужно самому этими качествами обладать. Ведь кто подслеповат и не все цвета различает, не может увидеть света, идущего от полотен великих живописцев.

Мы с Владимиром Качаном – сейчас скажу не совсем правильно – прожили очень интересную жизнь (точнее, мы ещё не прожили, но той частью, которую прожили, уже можно гордиться). Почему? Да потому, что мы видели и были знакомы и даже порой дружили с величайшими и талантливейшими людьми эпохи. Кому-то из них хотелось подражать, у кого-то поучиться делать то, что сами не умеем. Были актёры, писатели, поэты, режиссёры, композиторы… О тех великих, которые произвели особое впечатление, Владимир Качан написал книгу. И это не пасквильные мемуары, а наоборот! Володя талантлив, у него есть дар, а потому после каждого очерка настроение у читателя улучшается.

Ещё часто в мемуарах, описывая известного человека, автор всё время рассказывает о себе, мол, вот когда мы встретились, я ему посоветовал, скажем, Эйнштейну, открыть теорию относительности. Смотрю, а через год он послушался моего совета. На мой взгляд, это тоже погано – возвышать себя за счёт других. Я, например, был знаком с Булатом Окуджавой, и однажды он мне сказал: «Почему вы такую дрянь пишете?» Я

начал оправдываться, а он пытался меня убедить, что если я не перестану сразу писать дрянь, то никогда уже бросить это не смогу.

Эту книгу Качана надо читать по разным причинам. Во-первых, она улучшает настроение. Во-вторых, показывает людей, которым можно подражать и у которых можно учиться. В-третьих, вызывает гордость за то, что наша плодоРодина богата остроумными, талантливыми, творческими (заметьте, я не написал «креативными»), высокообразованными писателями, художниками, поэтами и режиссёрами. Для большинства многие из них являются загадками. Но по таким деталям, которые описывает Владимир Качан, человека можно угадать и восхититься им. Вывод мой следующий: прочитав эту книгу, можно улучшить собственную жизнь!

Михаил Задорнов

Предисловие от автора

Когда наступило лето 2016 года, мне позвонило одно средство массовой информации и напомнило о том, что в этом году Леониду Филатову 70 лет, то есть юбилей. Они, застенчиво используя сослагательное наклонение и как бы скорбя, сказали, что ему исполнилось БЫ 70 лет, и не хочу ли я это как-то прокомментировать. Застенчивость (она же, с точки зрения звонившего, – тактичность) была обусловлена тем, вероятно, что

обращался он к близкому другу юбиляра и боялся его невольно задеть или даже травмировать этим предложением. Я по чему-то разозлился и прервал абонента словами:

– Зачем вы все говорите «исполнилось бы»? Хватит уже! Ему, знаете ли, исполнилось! Просто он до этого не дожил. Исполнилось или исполнится в декабре. А потому непременно исполнится и 71, и 75, и т. д.

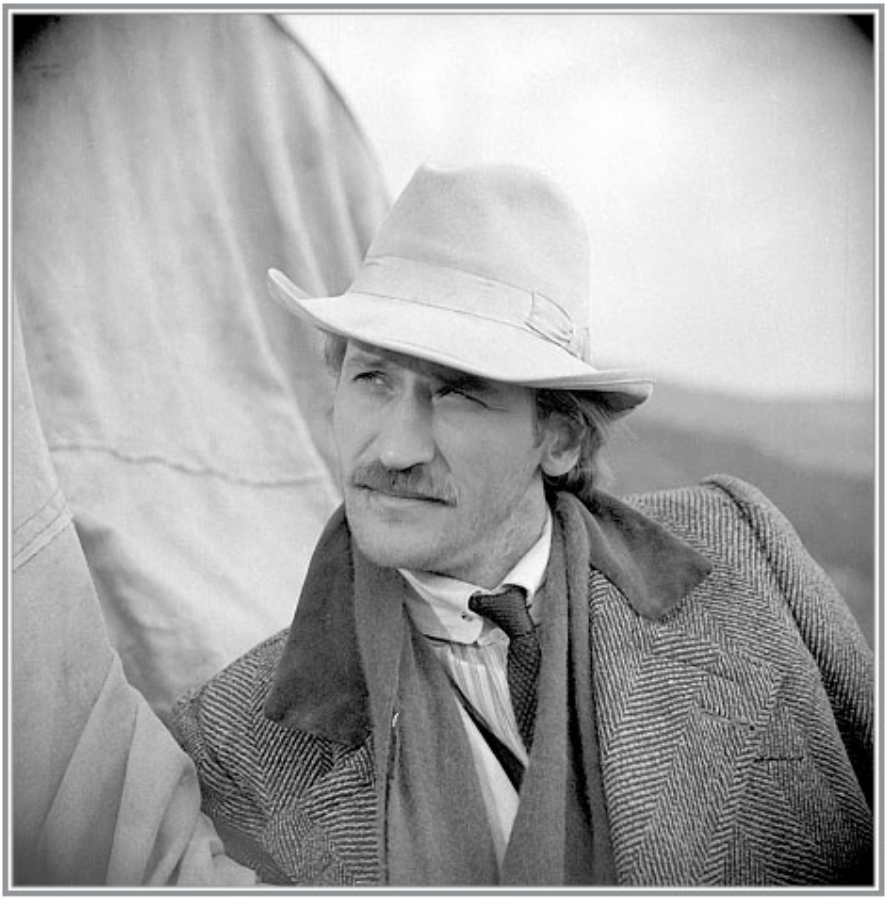
Через пару дней позвонили ещё по тому же поводу, и я подумал, что округлость этой даты настолько привлекательна и аппетитна для этих средств информации масс, что мимо они уж точно не пройдут, и ко мне обратятся ещё не раз.

А ещё подумал: чем я персонально мог бы отметить эту дату? И решил, что не может быть ничего лучше, чем совершить пусть скромную, но полезную попытку продолжить его хлопотливое, трудное и благородное дело – программу «Чтобы помнили». Но в прозе, в виде серии новелл, небольших рассказов о покинувших нас друзьях, приятелях или просто хороших знакомых. Эскизы, наброски, иногда даже неожиданные штрихи к их уже существующим классическим портретам. И пусть это будет, упаси господи, не некролог какой-то и не реквием по усопшим, а напротив, должно быть весело, легко, иногда лирично, но, безусловно, лишено даже намёка на уныние и грусть, то есть именно так, как (я в этом уверен) они бы и сами хотели.

И так как мы начали с имени Л. Филатова, то логичнее и правильнее всего с него и начать. А называться всё будет почти так же, в ту же тему, что и у него, – «Аплодисменты после…». И конечно же для того, «Чтобы помнили».

Леонид Филатов

Леонид Филатов – мой друг, однокурсник и первый соавтор по песням. С рассказов о нём и начнётся эта книга. И он, и все представленные здесь люди – бесспорно герои нашего времени, ставшие легендами ещё при жизни, а уж потом, после их ухода, – тем более. Они по-прежнему заслуживают аплодисментов, больше, чем множество сериальных звёзд, которые ничем иным себя и не считают. Только звёзды! И кончен разговор! А все те люди, о которых здесь пойдёт речь, никакими звёздами себя не считали, а если где-нибудь и называли их так, они относились к своей «звёздности» с умной иронией, а иногда даже издевательски.



Кадр из кинофильма «Кто заплатит за удачу», студия «Мосфильм», режиссёр К. Худяков, 1980 г.

Всем известна ТВ-программа Л. Филатова «Чтобы помнили». Хотя нет, выразимся скромнее – не все забыли, что такая программа была, а их дети, скорее всего, об этом и понятия не имеют. Но так или иначе этот благородный акт Филатова хочется в какой-то степени продолжить, что я и пытаюсь реализовать в этой серии очерков, рассказов, новелл об этих исключительных личностях. Обо всех пойдёт речь в настоящем времени. Не только потому, что многое было написано при их жизни, а потому что у меня язык не поворачивается говорить о них «был», «была», «улыбалась», «шутил» и т. д. Они здесь, рядом, они влияют на наше поведение и поступки. Может быть, мы все существуем в едином пространстве-времени. Выдающийся американский писатель Курт Воннегут как-то сказал: «Нам одновременно дано прошлое, настоящее и будущее». Подумаем об этом и начнём…

Бурные, продолжительные…

…Хотите – овации, хотите – аплодисменты, подходит и то и другое. Ими был встречен Леонид Филатов, когда впервые вышел на сцену после пятилетнего перерыва. Это происходило на сцене театра «Школа современной пьесы». Идея собрать авторский вечер пишущих артистов принадлежала руководителю театра Иосифу Райхельгаузу. И вечер этот, надо сказать, более чем удался. Билеты были проданы задолго до намеченной даты, и зал был набит битком; люди стояли в проходах, а те, кто не проникли внутрь, слушали из коридора. Ну ещё бы! Как заманчиво было увидеть и услышать знаменитых артистов: Гафта, Юрского, Дурова, но не в их традиционном актерском качестве, а в другом, литературном. Идея была, бесспорно, удачной и ещё добавила очков репутации театра, проводившего на своей сцене вечера Окуджавы, а также бенефисы Татьяны Васильевой или Михаила Глузского и другие не менее благородные мероприятия.

Однако ещё одна навязчивая, но плодотворная идея билась в предприимчивых головах организаторов: как бы затащить на этот вечер, на эту сцену Леонида Филатова, который в литературно-творческом смысле был просто обязан украсить собой эту компанию, а вот в физическом смысле – не мог. Вернее, думал, что не мог, а на самом-то деле – смог, хотя и чувствовал себя слабо, неуверенно и очень нервничал: ведь он целых пять лет на сцену не выходил. Леонид отказывался, не хотел, боялся, но в конце концов его удалось уговорить. Ему объяснили, что на сцене будет стоять стул, он будет читать сидя и, если хочет, даже курить, перед ним поставят столик с микрофоном и пепельницей, то есть будет самая привычная и комфортная обстановка. Райхельгауз, ненавидящий курение, шел даже на это, смирившись с тем, что Филатов без сигареты – такой же нонсенс, как Пушкин без Дантеса. В обоих случаях – без того, что убивает.

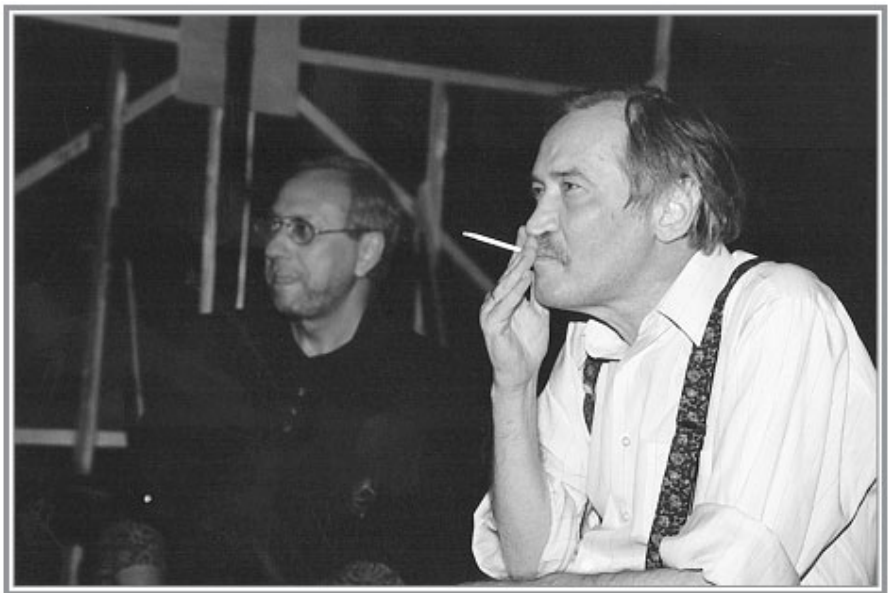
В общем, без охоты и тем более без куража, но Леонид согласился. И вот, когда его объявил Дуров, началось то, что обозначено в заголовке. А потом весь зал встал и хлопал стоя. Долго. Ему все были благодарны за то, что он в очередной раз себя преодолел и вышел на сцену. Еще несколько минут они так и стояли друг перед другом – благодарный зал и благодарный ему за этот прием Филатов. А потом он прочёл два отрывка из своей новой стихотворной пьесы «Лисистрата», после чего опять начались бурные продолжительные аплодисменты.

Я хорошо понимаю, что сам Леонид расценивал это своё выступление как равноправное партнёрство, как обычное участие

в концерте наравне с другими артистами-литераторами; и это ещё в лучшем случае, потому что ему свойственно постоянно принижать своё значение в истории русской литературы 60-90-х годов, в развитии изящной словесности и поэтической драматургии, которая никак не хотела развиваться со времён Грибоедова. (Ух он мне и даст за эти фанфары! Я так и слышу, как он тут покроет «свое значение в русской литературе» отборным непечатным текстом. Поэтому я специально и окрасил весь этот пассаж ироническим пафосом. Почти шутя… Однако в каждой шутке есть сами знаете что…) Чаще всего своё место в русской словесности Филатов принижает следующим образом: свои стихи он все время называет «стишками», а каждую новую пьесу в стихах – «фигнёй» (он, конечно, вместо «фигни» употребляет более сильное выражение). Так вот равноправное в лучшем случае партнёрство – это его позиция, его личное мнение, однако мне доподлинно известно, что большинство людей рвались на этот концерт только для того, чтобы увидеть Леню и вот так ему похлопать.

Всё оказалось так хорошо, что он тут же согласился и на второй концерт. Который и состоялся почти в том же составе 2 июня. Не было только Дурова (он уехал на гастроли), но зато появились Рязанов и Шендерович. Этот вечер, столь же успешный, как и первый, был несколько омрачён передачей Райхельгаузом денег Филатову, что сладострастно и подробно описывалось по ТВ в новостях культуры, так что эта акция выглядела просто-таки центральным событием культурной жизни страны. Да, действительно, это был бенефис Леонида, а на бенефисе, как известно, весь сбор – в пользу бенефицианта. Это обычная практика, а не исключение, и представлять его бенефис как некую благотворительную акцию, сбор денег на лекарства – по меньшей мере дурной тон. Тем более что Лёня вполне прилично зарабатывает себе на лекарства литературным трудом: книги издаются, пьесы покупаются; так что – спасибо, конечно, за вашу доброту, но вот так – лучше не стоит…

После всех неприятностей, случившихся с его здоровьем, Лёня совсем не рассчитывал когда-либо вновь появиться на сцене. Однако его удалось убедить в том, что это возможно. Так появился концерт под названием «На троих»: Л. Филатов, М. Задорнов и я. Мы постарались его построить в максимально комфортных для Лёни условиях. В самом начале М. Задорнов его представлял, и Лёня под долгие аплодисменты аудитории усаживался за журнальный столик, а затем читал что-то из недавно написанного (чаще всего «Лизистрату»). Примерно 20–30 минут. Потом уходил, провожаемый всё теми же овациями благодарной публики. Вслед за Лёней выходил я и, словно продолжая его теперь уже незримое присутствие на сцене, пел песни исключительно на его стихи. Так заканчивалось первое отделение, а всё второе брал на себя Михаил Задорнов, который и тогда был настолько популярен и любим публикой, что более длинная вторая часть концерта шла легко и радостно. И Лёне тоже было довольно легко в таком концерте участвовать



Да и вообще, делать добро, я думаю, надо скромно, а не трезвонить об этом на весь белый свет. А наше ТВ очень любит поговорить о доброте, не затратив ничего, и ещё порассуждать о нравственности, будучи по большей части абсолютно безнравственным. Редчайшие исключения бывают, конечно: например, передача всё того же Филатова «Чтобы помнили», но это так, случайный траурный цветок посреди помойки. А деньги, к которым наше ТВ отнеслось с таким вниманием, что деньги?.. К ним Филатов всю жизнь относился без трепета. Да и сумма, переданная в рублях и далеко не в самых крупных купюрах, а поэтому имевшая вид весьма внушительного пакета, между нами говоря, рассмешила бы не только Березовского, но даже Якубовича. ТВ, однако, решило подчеркнуть этот псевдонравственный аспект и сфокусировать наше внимание именно на нём, ещё раз подтвердив, что мы в рынок не вошли, а вползли. На коленях и просительно поскуливая.

Ну да бог с ним, не будем о плохом. Ведь главным-то было другое: то, что Лёня появился на сцене, хотя больше на это не рассчитывал, то, что этого вроде как и не должно было случиться, а всё ж таки состоялось.

Бело-розовая пастила для Леонида Филатова

Почему-то в студенческие годы из еды Филатов больше всего ценил рыбные палочки и бело-розовую пастилу – самые дешёвые, непритязательные и даже оскорбительные для гурмана продукты.

Это загадка… Быть может, эти палочки были неким фаллическим символом, ироническим предзнаменованием того периода, когда наша бедовая журналистика приклеила к нему ярлык секс-символа, супермена и чёрт знает кого ещё, на что Филатов реагировал с комическим ужасом: «Что они, с ума посходили, что ли?! Я ведь и не на каждом пляже рискую своё тело показать». Написать о нём в этом роде значило примерно то же, что однажды Жванецкий сказал о знакомом писателе: «Он из всех писателей – самый красивый».

Суперменство было у нас тогда не в цене. Даже деньги были не в цене. А в цене были ум, талант, достоинство, поступок… Ещё можно вспомнить древне-русское слово «честь». Ну, чувство юмора ещё… Да и как иначе, если нашим учителем была вовсе не жизнь, а лучшие образцы литературы. А это неполезно и даже драматично для учеников. Из них выходят идеалисты, рыцари, борцы за справедливость, поэты и влюблённые идиоты – словом, мусор, который в сегодняшнюю жизнь вообще не вписывается. Хотя допускаю, что когда-нибудь, в обозримом будущем, вдруг выяснится, что в России и не было ничего лучше литературы и искусства, и музыки…

И Бог именно в этой области дал Филатову несколько дарований. Он поэт, драматург, артист и режиссёр, и в каждой из этих ипостасей он – профессионал. И в каждой из этих профессий он совершает поступки, что, собственно, и отличает мужчину от не совсем мужчины. Многие ограничиваются нытьём. Например: «Что это у нас за страна такая, где никто никого не жалеет, никто никого не помнит». А Филатов придумывает, а потом берёт и делает передачу с яростным названием «Чтобы помнили». И если забыли – то он заставит вспомнить. Температура его любви или ненависти всегда была очень высока. Если ненавидел, то даже как бы вскользь брошенная метафора, к тому же окрашенная фирменным ядом Филатова, могла человека попросту уничтожить, потому что Лёня бил именно в то место, которые человек пытался скрыть или приукрасить.

После окончания института мы, естественно, встречались нечасто, но всё же достаточно регулярно. Фотографий этого периода осталось мало, но всё-таки они есть. И вот одна из них.

О, этот яд производства Филатова! Кобра может отдыхать, ей там делать нечего. Поэтому собеседники, начальники и даже товарищи чувствовали некоторое напряжение, общаясь с ним. Хлопая по плечу – побаивались и уважали. Уважение было доминирующей чертой всех последних праздников в честь Филатова. Государственная премия, или юбилей в театре, или премия «Тэффи» – все вставали. Весь зал! И было ясно, что если кто-то его и не любит, то нет ни одного, кто бы не уважал.

Много лет назад большой русский поэт Евгений Баратынский подытожил свои размышления о цели творчества. Или даже жизни. «Дарование есть поручение, и должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия». Часть этих поручений Филатов исполнил. Как актёр в первую очередь. Меньше – как режиссёр. В большей мере – как поэт. Хотелось бы, конечно, ещё и ещё, но… не мы решаем.

Аркадий Арканов

Сатирик-джентльмен

Я не знаю, почему у него была кличка Аркан и почему все его так звали. Смыслового значения эта кличка не имела никакого. Бывает, что человек приобретает прозвище за какую-то свою отличительную черту характера или внешности. Например, Сиплый или Кувалда. Моя фамилия вообще сама по себе звучит как кличка – Качан… Недавно одна гламурная дама поинтересовалась, мол, это у меня фамилия или псевдоним? «Ни фига себе псевдоним!» – подумал я и ответил, слегка растерявшись от такого предположения, что это фамилия. «Странно», – сказала гламурная дама и отвернулась.

А «Аркан», скорее всего, сокращённый вариант фамилии, хотя «Арканов» вот именно псевдоним и есть. При этом как звучно, броско, я бы даже сказал – афишно! Аркадий Арканов! За таким именем, созвучным с фамилией, можно было бы предположить какого-нибудь эстрадного конферансье в рубиновом пиджаке с блёстками, фиолетовой бабочкой, с набриолиненным пробором и тонкими, тщательно подстриженными усиками героя-любовника из немого кино. Но кличка Аркан всё возвращала на своё место, приземляла всю пышность имени Аркадия вместе с фамилией. Хотя надо признать, что он совсем не был чужд некоторого шика и лоска в одежде, обуви, состоянии лица, модных очках и особенно галстуках. В галстуке-бабочке я его тоже видел, но всё же предпочтение он отдавал традиционным галстукам, прозванным в народе селёдками. Он любил свои галстуки, и они любили его. Взаимная элитарная привязанность.

Аркан ни в коем случае не походил на конферансье, а походил на члена палаты лордов Британского парламента. И по манере поведения тоже. Его сдержанность в выражении чувств сначала удивляла, затем некоторых даже обижала, но затем продолжавшие с ним знакомство, приятельство и даже дружбу потихоньку привыкали. Я редко видел его улыбающимся и почти никогда – смеющимся. После рассказанного кем-то безусловно смешного анекдота или истории Аркан вяло произносил, точнее выцеживал из неподвижного рта одно лишь слово: «Смешно!» Дождаться от него хохота было бы равносильно надежде на оживлённую беседу с египетским сфинксом. Впрочем, некоторые анекдоты он придумывал сам и рассказывал их, не особо рассчитывая на реакцию, ибо сам в это время всё-таки не гомерически, но – смеялся. Скорее, глуховато хихикал.

Может быть, он с кем-то когда-нибудь и ругался, однако я не могу даже представить себе такого. Никогда не слышал, чтобы

Аркан просто повысил голос в разговоре. Всегда уравновешенный, невозмутимый. Ему, врачу, другие врачи настоятельно рекомендовали не курить. Ему, курившему десятки лет, стало любопытно – сможет ли бросить. Просто любопытно, а вовсе не потому, что обеспокоился о здоровье. Не курил месяц. Преодолел ли тягу, ломку заядлого курильщика, трудно ли было – он об это никогда не говорил, не делал своё расставание с сигаретой чем-то исключительным, каким-то событием, о котором почти все бросившие курильщики говорят беспрестанно, как о некоем мировом подвиге. Нет! Аркан сказал мне месяца через два, когда я вдруг вновь увидел его с сигаретой. В ответ на моё почти возмущённое удивление, мол, ты что наделал? Ты же бросил!! Почему опять закурил? Характера не хватило? А он мне спокойно так: «Понимаешь, я завязал, не курил ровно месяц. Понял, что могу, без особых страданий. Понял, что смогу бросить в любой момент, когда захочу. Успокоился на эту тему и снова закурил». Проверил – и достаточно!

Скорее всего, эта фотография с моего дня рождения, отмечавшегося в бард-кафе «Гнездо глухаря» в форме концерта и с участием Аркадия

И эта фотография оттуда же. Там с Аркадием и мной сидит любимый нами Валентин Гафт

Курение или что-то ещё привело к онкологии – не знаю. Да, по-моему, об этой клятой, разбушевавшейся онкологии у Аркана вообще никто не знал, до последнего момента. Я случайно узнал в одном санатории, в который прибыл на лечение, а он буквально вчера оттуда уехал. А был тут на очередной процедуре химиотерапии. Потом эти процедуры продолжались уже в Москве. Видно, скрываться в том санатории, потом там же восстанавливаться у него уже не было сил: всё-таки далековато ездить. И никто ничего не знал. Он продолжал выступать, участвовать в моих концертах (ко дню рождения Л. Филатова и других), выпивал, общался, смеялся. Исполнял то, что я у него всё

время просил. Потому что восхищался и задумкой, и реализацией. Он перевёл мировую литературную классику в попсу, Левон Оганезов снабдил это такой же специальной музыкой, и Аркан запел. Ну, разумеется, номер был рассчитан всё-таки на мало-мальски образованную публику, которая кое-что в жизни всё-таки читала. Получался своеобразный песенный комикс, краткое попсовое изложение мировой классики. И когда я впервые услышал от него песни «Идиот», «Анна Каренина», «Фауст» и другие, исполняемые к тому же с предельной серьёзностью, – хохотал буквально до слёз, что бывает со мной чрезвычайно редко.

До самого конца он продолжал оставаться тем же Арканом, которого все знали, – без намёка на драму, на финал, на конец жизни. И выпустил крохотную карманную книжечку, маленький, но толстенький такой томик под говорящим названием: «По дороге туда». Без всяких слёз и тоски по поводу уходящей жизни, без типичной для творческих людей меланхолии – нет! – один смех. Джаз в прозе и стихотворных опытах. «Джим-сейшн» с самим собой. Один из самых преданных поклонников джаза, Аркан – осознанно или нет – и в этой, финальной фазе своей жизни выглядел и вёл себя нетипично. Ассоциации тут прямы и однозначны: весёлые похороны в Нью-Орлеане, когда виртуозы джаза за гробом шарашат такие диксиленды, что покойнику впору незамедлительно встать и принять участие в этом похоронном концерте, подчиняясь заводному ритму чёрных музыкантов. Молчать всем! Запрещаю плакать и говорить языком некрологов! В крайнем случае – спокойно, интеллигентно. Редкое и ни в коем случае не бросающееся в глаза мужество и аристократизм.

Но хулиганский, мальчишеский огонёк постоянно тлел в глубине души аристократа Арканова, и время от времени, не в силах больше таиться и сдерживаться, он прорывался наружу ярко и даже нахально. Впрочем, все знают, что талантливая наглость и нахальная импровизация рождают в публике симпатию и одобрение, при условии, конечно, что там действительно присутствует талант, потому что наглость без таланта и обаяния исполнителя не вызывает ничего, кроме досады и жалости. Дерзкие остроты Арканова в адрес уважаемых и популярных людей простительны были лишь потому, что отличались именно талантом и остроумием!

Николай Сличенко даже среди коллег по табору театра «Ромэн» считался первым. Все цыгане, не говоря уже о других народностях, преклонялись перед его летящим голосом. Его любили в те годы и члены Политбюро, и даже сам генсек…

Естественно, что его звали на все брежневские домашние торжества, и он ездил и пел им. А что делать? Попробуй-ка откажись! И, узнав об этом, Аркан назвал Сличенко «цыганистый калий».

Как-то в апогее «развитого социализма» друзья Марка Розовского праздновали его, кажется, второе бракосочетание в одном из ресторанных залов гостиницы «Россия». И было это накануне 9 Мая, Дня Победы. В данном случае ресторан был двухэтажный. На верхнем этаже шла свадьба М. Розовского, а внизу, прямо под нами, праздновали 9 Мая офицеры. Всё рядом и неразделённо. Можно было со своего места, посмотрев вниз, увидеть всё там происходящее. У офицеров был весьма обширный стол, в 2–3 раза больше нашего. А ещё у них был баянист. Все внизу были уже изрядно пьяны, особенно баянист. С баяном на груди он принимал очередную рюмку водки и ненадолго засыпал. При этом, как ни странно, баян ему не мешал. Минут через 5-10 он снова оживал и сразу бил по клавишам (или кнопкам) своего инструмента. Мелодии песен военных лет тут же подхватывала вся компания. И патриотический шум наполнял собой всё пространство, в том числе и наш этаж вместе со скромным свадебным столом. Только кто-то встанет и поднимет бокал, намереваясь произнести тёплый душевный тост за счастье новобрачных, как именно в этот момент громоподобно раздавалось «С берёз неслышен, невесом, слетает жёлтый лист» или «Кипучая, могучая, вовек непобедимая»… Не важно – что именно, главное – громко! И вот однажды Арканов, уловив короткую паузу внизу между криком и «Катюшей», встал и произнёс то, за что в то время могли бы и посадить.

– Господа! – тихо и торжественно сказал Арканов. – Сегодня утром красные заняли Воронеж!

Или позорил сборную тогда Чехословакии по хоккею следующим образом: их хоккеистам, вечным соперникам СССР, придумал оскорбительные имена, но фонетически очень схожие с чешскими именами и фамилиями. К примеру, вратарей он наградил фамилиями НЕвзял и ПрОпустил. Кажется, там был Иржи ПрОпустил. А уж нападающий Питер Частны, который доставлял наибольшие хлопоты нашей защите, чем, вероятно, особенно злил болельщика Арканова, удостоился от него чудовищного имени Пидор Гнойны… Остальных не помню, но это и хорошо, так как они были составлены из абсолютно непечатных слов. Аркан – несомненно, хулиган! Прошу прощения за невольную, неуклюжую рифму. Всегда сохраняя внешнюю благородную невозмутимость и создавая у окружающих ложное впечатление, что они имеют дело с идеальным образцом

интеллигентности, Аркан обладал тайными золотыми запасами отборного русского мата. Он использовал его только в исключительных случаях, когда матерное слово настолько точно ложилось в цель, что казалось – без него тут, в этой фразе, ну никак невозможно!

Тут напрашивается пример такого рода из собственной биографии, но, естественно, связанный с Арканом, так как он был непосредственным участником того эпизода, о котором пойдёт речь, и в конце его произнесёт слово, подчёркивающее смысл, и потому незаменимое.

Помимо рассказов, миниатюр, пьес у Аркана есть одно произведение крупного формата, повесть, в которой фигурирует один доморощенный поэт, абсолютно беспринципный тип, сочиняющий, как и Васисуалий Лоханкин у Ильфа и Петрова, стихи на любую нужную тему, но всё же специализируется по большей части на теме патриотической. В частности, у него есть совершенно невероятные стихи под названием «Голубь мира». Всё не процитирую, но и того, что помню, достаточно для незабываемого впечатления. Это след, который Арканов навсегда выжег в моём мозгу беспощадным пером своего ехидства и презрения к дуракам, густо населяющим наше литературное пространство. Вот эта «нетленка».

Кой-кто на Западе стремится
Нам жить как следует мешать.
Но мы, простые люди, – птицы,
И мы всегда хотим летать.
У нас есть тоже голубь мира!
Он смел, отважен и силён.
И на борьбу с врагами мира
Его мы, сизого, пошлём.
И он взлетит – весёлый, ловкий,
Он – наша гордость и кумир.
Взмахнёт своей боеголовкой —
И на Земле наступит мир!

Написал сейчас это и подумал – до чего же актуально, особенно теперь. Как бы пригодился сегодня этот поэт со своими бессмертными строчками. Уж сколько лет прошло, а ведь по-прежнему «Кой-кто на Западе стремится нам жить как следует мешать». И похоже, так будет всегда…

Так вот, этого поэта в повести пригласили на домашний концерт за скромные деньги. Он приглашение принял и поехал… Но в реальной жизни это произошло со мной и Аркадием. А дело

было так…

Однажды утром мне позвонили и очень вежливо предложили то, что сегодня у артистов называется словом «корпоратив», который является для них обычной практикой и источником дополнительного и весьма солидного заработка. Однако следует напомнить, что это было глубоко советское время, и поэтому предложение звучало совершенно необычно, тем более что речь шла не о чьём-то личном празднике, дне рождения или свадьбе, где всё-таки будет присутствовать много людей и будет хоть какое-то подобие концерта. Наоборот, вежливый абонент, стараясь быть предельно деликатным, чтобы сразу не нарваться на отказ, поведал о том, что концертом моё выступление назвать нельзя, потому что всё будет проходить в квартире и всего лишь для нескольких людей, в целом около десяти. Озадаченный и даже слегка ошеломлённый, я замолчал на несколько секунд. Абонент, озвучивший только что все минусы, тут же стал отыгрывать очки, сообщая о плюсах, как то:

1) Всё будет чрезвычайно доброжелательно и интеллигентно, никакого жлобства, там меня знают и уважают.

2) Работа не пыльная – всего-то полчаса попеть свои песни под гитару.

3) Машина, разумеется, иномарка привезёт, подождёт и отвезёт обратно.

4) Заплатят 50 рублей. Хотите – сразу, ещё до поездки, а хотите – после выступления.

5) И, наконец, самое главное: я там буду не один, а с писателем Аркановым. Он полчаса почитает, а я столько же попою.

Последний аргумент в корне изменил моё отношение к сомнительному предложению и ко всей ситуации в целом. Вдвоём, тем более с Аркановым, не так страшно и неудобно, да и 50 рублей на дороге не валяются, тем более что эта сумма составляла половину моей месячной зарплаты в театре. Короче, моё вялое сопротивление было сломлено, и я, с очевидным для абонента трудом, согласился.

В назначенный день и час за мной приехала обещанная иномарка. «Машина «вольво» не за всяким приезжает», – подумал я тогда с успокоительным тщеславием, тем более что водитель вышел, обошёл машину, открыл заднюю дверь и пригласил меня в салон. Так в американских фильмах приглашали какого-нибудь гангстера или кинозвезду. После этой протокольной посадки в автомобиль поехали за Аркановым, который жил неподалёку, на углу Садового кольца и бывшей улицы Чехова (теперь Малая Дмитровка). Он вышел, тот же ритуал посадки, и мы тронулись.

Но перед этим водитель протянул нам по конверту с гонораром, демонстрируя тем самым солидность и надёжность предприятия. Мы с Арканом переглянулись и разом отказались, так же солидно заявив, что возьмём деньги только после выступления, чтобы всё было по-честному.

Квартира была где-то на юго-западе, и подъезд был с ковровой дорожкой, консьержкой и современным стерильно чистым лифтом. Дверь открыли приветливые молодые люди, которые помогли нам снять верхнюю одежду и проводили в комнату-салон. Ну просто Версаль!

В большой комнате у стены стоял журнальный столик, на нём микрофон для записи на магнитофон, который стоял тут же рядом на элегантной табуреточке. Ещё на столике стояла открытая бутылка французского коньяка, блюдце с орехами, два стакана с апельсиновым соком и другое блюдце с порезанным на дольки лимоном. А также, естественно, два пузатеньких бокала под коньяк. Ну всё, всё предусмотрено! Как только мы присели, кто-то из хозяев наполнил на треть нашу коньячную посуду. Ну конечно, не полными же бокалами хряпать дефицитный «Курвуазье». Выпить и даже пригубить мы отказались, мол, перед выступлением – ни грамма. Огляделись. Напротив нашего журнального столика, в больших мягких креслах и на диване расположилась компания из четырёх пар молодых людей – юноши и девушки и ещё две девушки, без юношей. Почему они были без пары – выяснится позже. Перед слушателями тоже стоял журнальный столик с тем же самым, что и у нас с Арканом. Тем не менее никто не пил, и все держались парламентарно. Хотя «парламентарно» в сегодняшнем представлении – это с дракой и скандалом, когда все бессмысленно галдят и перебивают друг друга. Но тогда! Что вы!! Все они держались строго и даже чопорно. Кстати, ещё по пути водитель объяснил, что мы едем в гости к детям высокопоставленных чиновников и министров. Может, воспитанием и объяснялась их манера держаться и общаться.

Ну что ж, начали… Первым выступил Арканов. Он прочёл несколько своих рассказов и передал слово мне. Я уже немного упокоился, так как видел: аудитория реагирует на рассказы Аркана правильно и осмысленно. Смеётся именно там, где надо, и не смеётся – где не надо. Аркан тоже чуть расслабился и даже отпил немного коньяку. Дальше я спел штук 5–6 своих песен и опять передал эстафету писателю. Теперь и я сделал глоток из своего бокала. Опять минут двадцать читал Аркан, и завершил наш «концерт» я с пятью песнями. Всё писалось на магнитофон. Финал. К нам подошли, сердечно поблагодарили, мы ещё

немного выпили с хозяевами и стали собираться. Некоторое время нас уговаривали остаться и вместе провести остаток вечера, но мы были тверды в своём намерении уехать. Это было объяснимо. Мы и так чувствовали себя в какой-то степени «лакеями» – хоть и на час – обычных отпрысков состоятельных людей из советского светского общества. И пытались всё-таки сохранить дистанцию и не сближаться. В прихожей мы стали надевать свою верхнюю одежду, и тут подошли те самые «лишние», без пар, девушки. И тоже стали уговаривать остаться. Стало понятно, кому они были предназначены этим вечером. Девушки, надо сказать, были что надо! Обе в длинных, каких-то серебристых, струящихся платьях, подчёркивающих фигуру. А фигуры были идеальными. И вообще, по сегодняшним меркам, девушки были моделями европейского уровня. И лица, конечно… Хорошенькие, обаятельные девушки, которых не хотелось бы обижать отказом в ответ на их разноголосие: «Мальчики, ну куда же вы так рано? Зачем вы так торопитесь? Мы могли бы очень хорошо отдохнуть, выпить, потанцевать…» В значении этих слов трудно было усомниться, тем более что сопровождалось всё прямыми, лукавыми и кокетливыми взглядами, обещающими впоследствии невероятное наслаждение и незабываемый секс. Собрав последние остатки чувства собственного достоинства, мы ответили отказом, твёрдо отдавая себе отчёт в том, что потом, быть может, сильно пожалеем об этом. Девушки, которым отказали в первый и, скорее всего, в последний раз в жизни, пожали плечами и удалились в глубь квартиры. Парень, видимо, хозяин этой квартиры, улыбаясь, вручил нам наши конверты с деньгами, напомнил, что наша машина ждёт нас внизу, и сказал напоследок: «Жаль…»

Дверь за нами захлопнулась. На лестничной площадке перед дверью мы постояли молча. Аркан вытащил из кармана пачку сигарет, медленно вынул одну, медленно достал зажигалку и не спеша закурил. Затем он выкатил на меня свои близорукие глаза, затянулся и произнёс: «Нас за эти деньги ещё и вы…ть хотели!» Мы сели в машину и, не сговариваясь, поехали в ресторан ЦДЛ, в котором и прокутили благополучно наш квартирный гонорар, залив водкой наше воображаемое актёрское унижение, которого, быть может, взаправду и не было вовсе…

Однажды, порядочно давно это было, мы делали ТВ-передачу «Окно», центральным персонажем которой был Аркан. Мы беседовали о разном, на чёртовом колесе катались, в бильярд играли, пиво пили и разговаривали о важном и неважном. Главным было – создать портрет такого Арканова, какого никто и никогда не знал, за исключением самых близких друзей. В

финале я задал ему самый банальный вопрос, который тем не менее считал главным. «Есть ли у тебя какая-то мечта или очень сильное желание? Но одно! Если есть, скажи…» Аркан, даже не задумываясь, ответил: «Я хочу, чтобы у сына всё сложилось, чтобы он нашёл себя и чтобы у него всё было хорошо…» Он тогда опять подумал не о себе…

Владимир Высоцкий

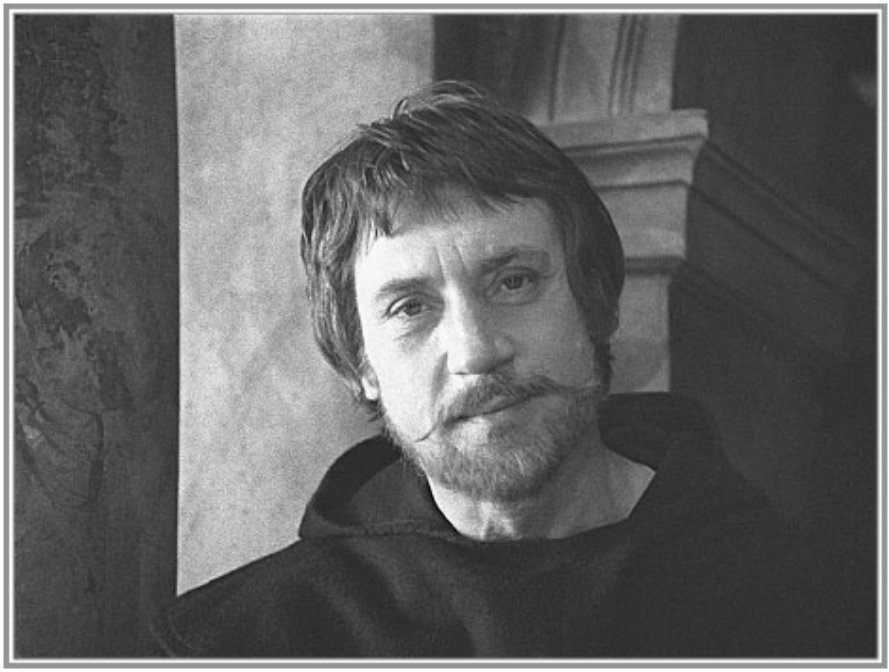
Гори, гори, его звезда…

Когда твоим именем названа звезда – это уже серьёзно. Когда твоим именем не назван даже завалящий астероид, но ты сам называешь себя «звездой», и все в твоём тусовочном бульоне называют друг друга «звёздами» – это совсем несерьёзно. Но мы настолько к этому привыкли, что нам даже не смешно, как становилось смешно, скажем, при виде чётвертой или пятой Звезды Героя у Л. И. Брежнева.

У нас есть популярные и хорошие артисты, есть популярные и плохие, вторых – значительно больше. Но и те и другие называются «звёздами», особенно – популярные и плохие. У них какое-то особенное своё сообщество, со своими законами, вкусом, лексикой слов в пятьдесят, помимо междометий, а из этих пятидесяти тридцать – новый русско-американский сленг, причудливая смесь Брайтона и зоны; свои шутки, не смешные остальным, более образованным людям; свои девушки, спутницы-маркитантки, свои поклонники, свои журналисты – короче, своя тусовка, за пределами которой им ничего не интересно.

Такое ощущение, что они ничего не читают, кроме рецензий своих журналистов на своё же «творчество», впрочем, это ведь не рецензии, а скорее эпизодические жизнеописания, подсмотренные, как правило, через замочную скважину спален. Эти наши звёзды с их личными астрономами, в своём личном космосе, бедные, даже не подозревают, что и они не звёзды, и мир их – далеко не космос, а аквариум, в котором они, рыбки наши золотые – гуппи и неоны, – резвятся, искрятся, кокетничают и позируют. А за аквариумом в это время следят их продюсеры. Именно они меняют в нём воду и сыплют рыбкам корм. Захотят – подсыплют, захотят – нет, а могут и вовсе рыбку выкинуть и заменить новой…

Ну а те, астрономические, звёзды даже понятия не имеют о том, что они звёзды. Светят себе, и всё. А свет их, даже если они умирают, на Земле видят ещё долгие-долгие годы. Вот так и с Высоцким. Он бы, наверное, поморщился, если бы его назвали «звездой».



Мы с ним не простились и тогда, в 80-м, и сегодня не прощаемся. Потому что он продолжает петь с дисков, с магнитофона, иногда с экрана…

Кадр из кинофильма «Маленькие трагедии», студия «Мосфильм», режиссёр М. Швейцер, 1979 г.

Вы заметили, что о своём пути в шоу-бизнесе часто говорят: «Моё творчество»? Еще немного, и скажут: «Мой гений». Хотя шоу-бизнес и творчество друг другу почти противопоказаны. Математически вычислены рычаги успеха, – и вперёд с песней! И один из рычагов именно этот: если публику интересует не то, что, как и зачем человек делает, а то, с кем живет и сколько пьёт, – ну так давайте её этим и накормим.

Слава богу, Высоцкому это было не нужно, ему не нужно было разогревать свою популярность ничем, кроме новых песен и ролей. Всё остальное двигалось автоматически, помимо него, обрастая всё новыми мифами, легендами, анекдотами и скандалами. А он просто работал, выдавая одно время по песне в ночь, и рейтинг его не заботил. Только: что, как и зачем! Можем мы сегодня назвать хоть одну «звезду», которая бы не беспокоилась о рейтинге популярности? Ну, если и назовём пару человек, то это будет исключение из общего правила и указание на то, что они-то и являются настоящими артистами. У остальных – если популярность падает, значит, её надо искусственно подогреть.

А у Высоцкого – легендарная жизнь, легендарная смерть, людей интересуют подробности – пусть. Но когда-нибудь вся эта пена уйдёт, и останется суть – то, для чего он и жил. Мой сын… нет, ещё рано, мой внук или правнук откроет книгу и прочтёт: «Посмотрите, вот он без страховки идёт. Чуть правее наклон – упадёт, пропадёт», и энергия, рвущаяся из этих строк, заставит его поставить диск, и он услышит голос человека, который единственный во всём мире ухитрялся петь согласные. «Чуть по-м-м-м-едл-л-л-ен-н-нее, кони, чуть пом-м-медл-л-лен-н-нее». Эти мужские обертона в лирических песнях или этот рык-крик всем своим существом, всем своим ростом и весом, чтобы быть понятым, чтобы мы этот крик, эту суть услышали, – это повторить никто не может. Есть попытки, но они вызывают только досаду, как бифштекс в тюбике, в виде пасты. Поэтому его песни исполняют редко. Может, когда-нибудь кто-то и найдёт к ним новый подход, новую, совершенно другую манеру, и они зазвучат тоже совсем по-новому. А пока…

Мы с ним не простились и тогда, в 80-м, и сегодня не прощаемся. Потому что он продолжает петь с дисков, с магнитофона, иногда с экрана.

Давно, лет десять тому назад, на одном концерте меня попросили спеть «что-нибудь из Высоцкого». Я ответил тогда единственно возможным для меня способом. Я сказал: «Пусть он сам поёт».

Что ему рейтинг из его космоса, что ему вся эта возня – он своё отдал, он своё взял. И ещё возьмёт… Он – останется!

Григорий Горин

ГИГ – формула успеха

ГИГ – это Григорий Израилевич Горин. Пьесы и сценарии под этим, как теперь говорят, брендом были обречены на успех, и фамилия автора была его гарантией, гарантией качества, знаком отличия. Чтобы хорошо поставить пьесу Горина или экранизировать его сценарий, надо всего лишь не навредить тексту, сказать и сыграть именно то, что он написал. И будет успех.

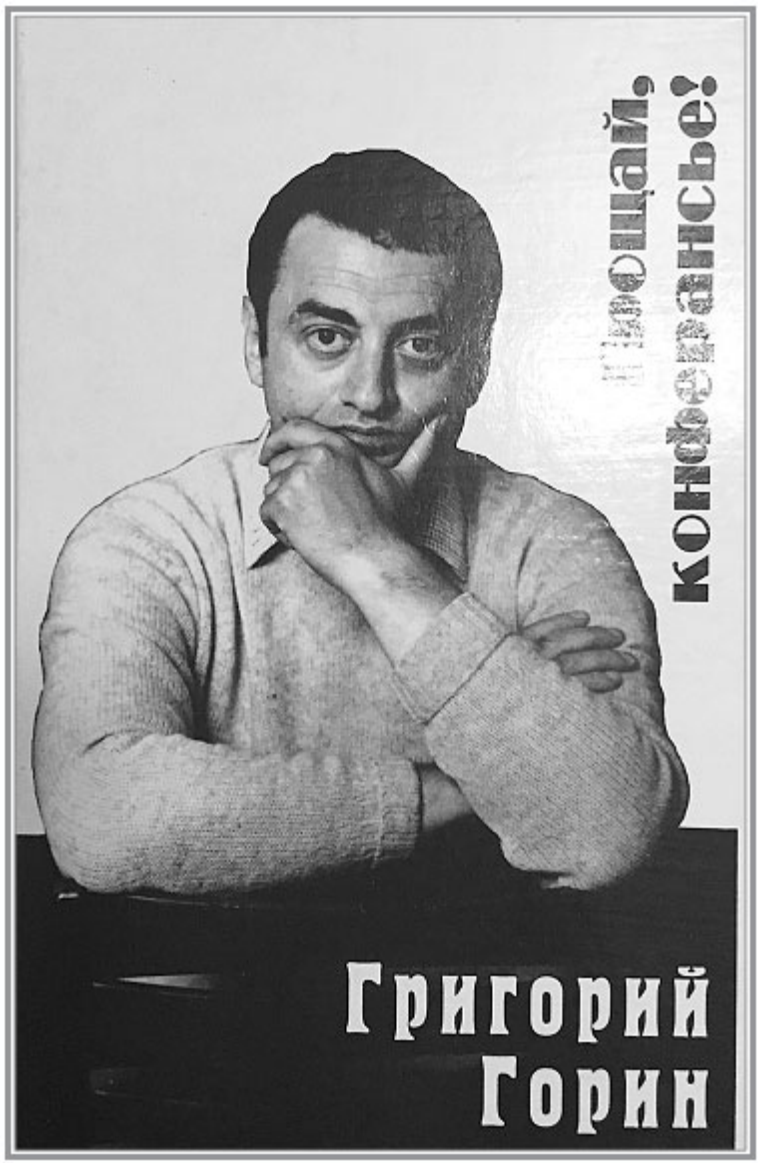
Он переиначивает сказки, легенды и уже существующие пьесы для создания очередного сценария, но, по своему разумению, всюду проводя генеральную линию, главную тему его творчества. И я рискну предположить, что тема эта – благородство героев, почти забытый, покрытый пылью романтизм. Он выводил эту тему на авансцену, на передний план, даже исходя из классических пьес самого Евгения Шварца. Похоже, он слегка стеснялся своего немодного романтизма и презираемой брутальными мужчинами сентиментальности и маскировал это юмором. А чего стесняться-то, если эта самая сентиментальность – всего лишь драгоценное сегодня умение быть растроганным. Хоть иногда… В окружающем бессердечном мире, в котором сострадание или способность заплакать от чужой беды не котируется, не имеет никакого рейтинга, эта способность – редкость, которой следует восхищаться и дорожить ею.

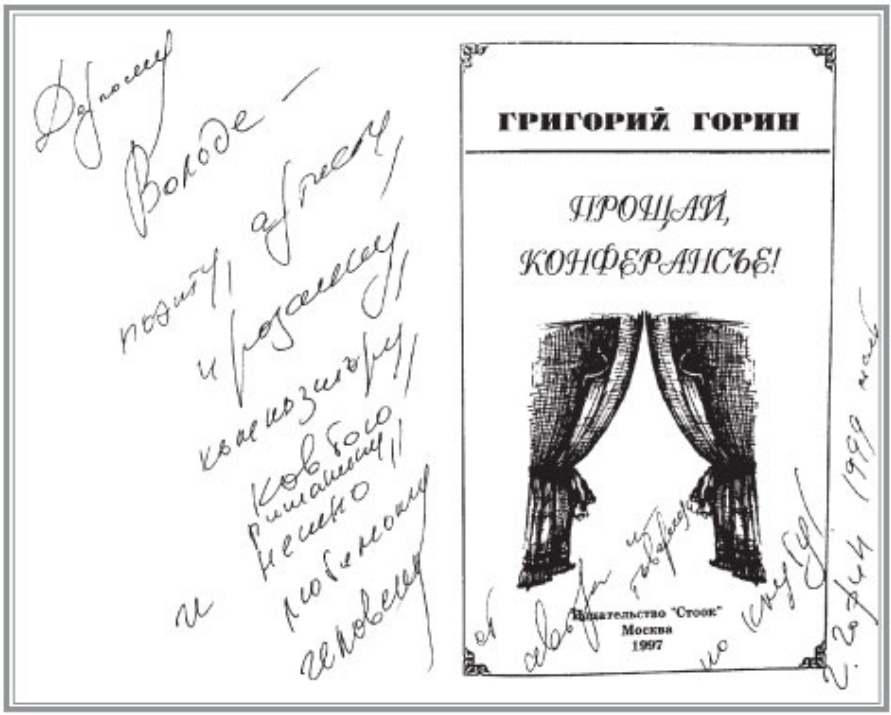
А вот эта верность раз и навсегда выбранной генеральной линии вызывает нежное уважение у людей, для которых благородство и честь – не пустой звук. В пьесах и сценариях Горина уже содержится режиссёрское решение, которое миновать или игнорировать совершенно невозможно. Оно являет собой очень мощную подсказку.

Трактовка поведения Мюнхгаузена не как банального враля, а как абсолютно непонятого человека, которому тошно в этом сером и пошлом мире, которому совсем не весело жить меж дураков, и поэтому он создаёт свой мир, в котором творятся чудеса, а потом по лестнице лезет в небо, потому что таким, как он, на земле места нет… Так вот, эта трактовка, я думаю, хороша и верна, и она – уже готовое решение, преподнесённое режиссёру на блюдечке со всеми нужными каёмочками. И так у него – во всём, что написал…

Я с самого начала обозначил главную идею этой книги не как воспоминания или, упаси господи, мемуары, в которых их авторы говорят в основном о себе, однако в том рассказе о Г. Горине, который собираюсь вам представить, я являюсь вместе со своим

тогдашним юбилеем базовой отправной точкой, а без неё будет непонятно всё то, с чем тогда выступил Горин. Заранее приношу извинения, что без себя в этот раз обойтись не удалось, но к портрету Григория – точнее, эскизу к портрету – этот рассказ, как мне кажется, подойдёт, как дополнительная краска.





Григорий Горин одарил меня двухтомником своих сочинений. Там на обложке – он в наиболее фотогеничном для себя виде. И я считаю нужным, чтобы он появился в этой книге именно так – в образе красивого мыслителя

Итак, он вышел на сцену не в числе поздравляющих коллег, а, так сказать, – соло. Достал из кармана листок бумаги и начал:

«Думал, что тебе написать, потому что шуток уже мало, а юбилеев много. Поэтому я понял, что всё равно шутки будут крутиться вокруг фамилии. Ну это первое, что приходит в голову, потому что у меня вот отчество смешное, а у тебя фамилия. И даже когда мы сидели вместе в «Белом попугае», я написал тебе стихотворное послание:

Звенит гитарная струна —
Будем слушать Качана!
Без Володи жизнь тяжкА,
Вместе с ним – идиллия.
У кого качан – башка,
У него – фамилия!»

Но каково же было моё удивление, когда через некоторое время я получил письмо. Тут он достал из кармана другую

бумажку, развернул её и стал читать:

«Здравствуйте, дорогой Григорий Израилевич! Давно слежу за вашим творчеством, которое мне чрезвычайно импонирует. Особенно люблю ваши пьесы…» Ну там дальше комплименты всякие, не хочу занимать твой юбилей… «Но… Однако, к глубочайшему сожалению, не всё в вашем творчестве равноценно. Смотрел передачу и услышал ваши стихи в адрес замечательного актёра Владимира Качана. И вот хочу полюбопытствовать: какого хрена вы, падлы, прицепились к его замечательной фамилии? Что вам, козлам, было бы приятнее, если б наш Володя был какой-нибудь Кочин или, не дай бог, Кичин, что ли? Да известно ли вам, падлам, что это красивейшая фамилия в Беларуси, против ко торой вы, суки… За сим остаюсь, Григорий Израилевич, вашим поклонником и прошу передать большой привет и пожелания моему знаменитому однофамильцу! Подпись: Иван Качан, село Качаны, Белоруссия». Так что, Володя, вот я пришёл к тебе с приветом. Прими эти стихи.

От себя ещё добавлю. Был такой замечательный администратор Роман Козак. Он, когда просматривал афишу, всегда говорил: «Фамилия – это ещё не имя». И я подумал: действительно, фамилия может быть такая или сякая, а имя у тебя замечательное. Твоё имя – Артист. Полное имя – замечательный Артист! Поэтому будь счастлив, я тебя люблю!»

Отнесём финальные слова к тому самому сентименту, которого был вовсе не чужд великолепный писатель и драматург Григорий Горин. И добавим на всякий случай для полного понимания: он был достаточно сентиментален, чтобы жить и умереть порядочным человеком.

Лев Дуров

Часть первая
Perpetuum mobile, или Портрет Льва Дурова в интерьере нашей жизни. Масло. Елей

Перед рассказами о Дурове следует напомнить, что всё написано в прошлые годы по поводу различных дуровских юбилеев и других событий. Поэтому в одном очерке в те годы он ещё водит машину, в другом дурачит сотрудника ГАИ, в третьем он фигурирует в программе «Белый попугай» и далее, поэтапно – 60-летие, 70-летие… «А годы летят, наши годы, как птицы, летят», поётся в одной известной песне из древнего фильма «Добровольцы». Годы летят, а недели и месяцы просто со свистом проносятся мимо. И сейчас я вспоминаю, сколько же я понаписал о Дурове за эти годы, десятилетия! Сколько концертов мы вместе сыграли, сколько спектаклей! Чуть ли не полжизни я провёл с этим человеком, и поэтому материал о нём в этой книге самый объёмный. Но и самый весёлый! Так как в Дурове доминируют веселье, азарт и фантастическая энергия. После тяжёлого ишемического приступа его в очередной раз вернули к жизни и прописали покой. Но через сутки он позвонил и слабым голосом проговорил: «Знаешь, что помешало мне помереть на этот раз?» – «Что?» – уже предчувствуя очередной дуровский пассаж, отозвался я. «Помешала перспектива угодить в программу Вульфа «Мой серебряный шар».

А теперь читайте о нём то, что, быть может, прибавит позитива в вашей сегодняшней жизни. А я тем временем буду рассказывать о нём как о живом и здравствующем друге, несмотря на…

Всё происходит на одном из клубных вечеров «Школы современной пьесы», которые всё время придумывает и инициирует главный режиссёр этого театра Иосиф Райхельгауз. Дурова и меня вы уже, конечно, узнали

Тот, кто сказал, что вечный двигатель невозможен, – не знаком или плохо знаком с артистом Львом Дуровым. Я сознательно не перечисляю здесь его титулов и званий по двум причинам. Первая – это то, что он для меня, как ни странно, просто Лёвка, причём чуть ли не со второй недели знакомства, и разница в возрасте и положении тогда этому ничуть не помешала. А знаю я его давно, семнадцать лет. Вторая причина – это то, что звания у нас раньше шли по восходящей: то есть заслуженный артист РСФСР, затем народный артист – того же образования, затем народный – СССР, и он все эти этапы честно прошел. Потом эти звания поехали обратно, по нисходящей: те, кто были народными в СССР, опять стали народными в России, и хотя некоторые титулованные артисты и требуют, чтобы их представляли не иначе как «народными артистами СССР», – это уже скорее политический акт, нежели проявление тщеславия: они таким образом тихо, но твёрдо протестуют против развала СССР. Дурову же это просто по барабану. Это свойство характера, вернее, одна из самых обаятельных черт его характера. Груз его регалий на него, мягко говоря, не давит. Редко кто называет его Львом Константиновичем (я не был исключением), разве что его студенты, но и те через месяц норовят перейти на «ты». Да, впрочем, и трудно вечному двигателю – согласитесь – ходить

плавно и величаво и называть себя медленно и долго – Лев Константинович; Лёвка – да и всё тут. Это вовсе не унижает его, я бы сказал больше – это ему идёт. Он мобилен и лёгок и не трясёт жировыми складками своих вкладов в русскую культуру – у него этого целлюлита вообще нет, он ему помешает двигаться. А каким же ещё быть вечному двигателю! Поэтому, заканчивая абзац про нисходящие движения, скажу: он достиг сегодня звания высочайшего – просто артист. Сегодня вполне достаточно в любом концерте объявить: «Лев Дуров», без всяких званий – услышите, что будет. Это уже элита, спецназ актёрской армии. Имя – и только.

А если серьёзно, то Дурову сейчас при нарушении каких-нибудь правил уличного движения стоит только высунуть голову из машины, как постовой начинает улыбаться и всё заранее прощать – за автограф или контрамарку в театр. Причём это не просто дань популярности, это ещё и уважение, и (странный сплав, не правда ли?) полный разрыв дистанции: какие там звания или знакомства накоротке с самыми влиятельными людьми страны – что вы! Он просто весел, и гаишники отвечают ему тем же.

Кстати, дуровское автомобилевождение – безусловное следствие его темперамента и заслуживает отдельного рассказа. Если кто-то заводится с полоборота и уже считается темпераментным, то Дуров – лишь с намека на оборот. Вот так он и ездит. Человек, сидящий рядом с водительским креслом Дурова, может всю дорогу впечатлениями не делиться, но в конце поездки он будет чувствовать себя каскадёром, которому в этот раз здорово повезло. Адреналин сопровождает Дурова. Им, вечным двигателям, без него никак. Поэтому на машине своей он периодически стукается, а через месяц эксплуатации она становится похожей на грязную мыльницу, в которую ненароком попала авиабомба. У него их и не крадут. Потому что – а на фига такое красть?.. Его машина выглядит как вызов общественному мнению, как старые линялые джинсы на вручении отечественной кинопремии «Ника», где все вокруг в смокингах и «кисах». Однако Дуров, как никто другой, в джинсах на «Нике» смотрелся бы, они бы ему пошли, как идёт ему и его машина. Он часто ставит ее в неположенном месте и, поскольку она не может не оскорблять взора работников ГАИ, – оставляет им на ветровом стекле записку шуточного содержания, подписывается «Лев Дуров», возвращается, видит там же оставленную ему от ГАИ записку, тоже с попыткой пошутить. Так и переписываются они с ГАИ – через лобовое стекло.

Был у меня юбилей и бенефис в моём театре «Школа

современной пьесы». Сначала мы быстренько, без антракта, сыграли спектакль «А чой-то ты во фраке?», потом был антракт, потом меня с семьёй посадили в ложу и начался то ли концерт, то ли капустник, а я, как юбиляр и зритель, этому внимал. Надо сказать, внимал с удовольствием, так как выступали Арканов, Горин, Кикабидзе, Шифрин, Задорнов, Шендерович, Дима Харатьян, Марк Розовский, Юрий Ряшенцев – в общем, сильный был концерт. Но первым вышел Лев Дуров с моим бессменным соавтором по капустникам в Театре на Малой Бронной – Георгием Мартынюком. И Дуров начал: «Тут, – говорит, – за кулисами стоит куча насильно пригнанных друзей (ему свойственно всякий раз снижать пафос происходящего, он это называет словом «опустяшить». Дуров имеет на это полное право, так как употребляет этот приём чаще всего по отношению к себе). Так вот, наш театр [на Малой Бронной] всегда славился двумя вещами – во-первых, продолжительностью спектаклей (тут он повесил ненавязчивую паузу, словно подыскивая слова и давая залу возможность вспомнить, что «Идиот» идет три вечера подряд. Пауза была грамотная, что и говорить, в конце её в зале стал нарастать хохот, на который Дуров и внимания-то не обратил), а во-вторых – обилием литераторов и поэтов. Двое лучших – перед вами». Всё это произносилось очень серьезно и даже якобы с волнением литератора, который сейчас впервые обнародует новое произведение. Дуров объявил Геру, который прочёл свой стишок и, в свою очередь, тоже объявил: «Поэт Лев Дуров», и, вроде бы трепеща, Дуров прочёл следующее лирическое четверостишие:

Холодная весна, ну так и что ж.
Не горбись, как старик, а прыгай, как мальчишка.
И не забудь конечно про любовь.
У Качана есть тоже кочерыжка.

Ключевое слово «кочерыжка» Дуров произнес про себя, грустно и слегка стесняясь. Хохот был страшный, хотя, если бы все это произнес кто-нибудь другой, – не сработало бы. Рифма «что ж» – «любовь» вызывает у меня некоторое сомнение, так безнаказанно рифмовать мог только Дуров, да и реприза про кочерыжку тоже носила несколько, как бы сказать, гривуазный характер, но, повторяю, то, как он это делает, – компенсирует всё. Впрочем, я тут занимаюсь совсем глупым делом: пытаюсь на бумаге описать актёрские финты Дурова, нельзя этого делать – идите в театр и посмотрите сами.

Про кочерыжку это что! Тут на недавнем таком же юбилее-

бенефисе Филозова, посреди хора дифирамбов и при интеллигентном зале Дуров вышел к микрофону и рассказал историю о том, как во времена его молодости всё мужское население Москвы носило велюровые шляпы. И вот он наконец тоже решил себе такую купить. С женой Ирой (или тогда ещё невестой) он зашёл в магазин в проезде Художественного театра и стал примерять эти шляпы, причём делал упор на зелёные, самые модные. Когда он в очередной зелёной шляпе вертелся перед зеркалом, Ира задумчиво произнесла: «Лёвочка, знаешь, что ты мне напоминаешь сейчас?..»

«Что?» – насторожился Дуров.

«Говно под лопухом», – последовал ответ, и с тех пор Дуров шляп избегает. Если бы вы слышали, как радовалась интеллигенция в зале. А я стоял рядом и в ужасе думал: а при чем тут юбилей Филозова, как же он вывернется?.. Вывернулся! Он сказал: «Я поздравляю тебя, Алик, не только с юбилеем, но и с тем, что про тебя никто такого сказать не может».

Это его «опустяшивание», временами эпатаж – конечно же родом из Лефортова, из его почти блатного детства. Когда он про это детство рассказывает, я начинаю понимать, что всё случилось вопреки. Биография сделала какой-то странный зигзаг, и, вместо того чтобы стать лидером лефортовской братвы (у всех нормальных блатных по одной кличке, у Дурова было целых три – Швейк, Седой и Артист, естественно, одной ему было мало!), вместо того чтобы иметь за плечами минимум три ходки, а на ноге – татуировку типа «750 дней без женской ласки», – вместо всего этого он стал любимцем миллионов зрителей и порядочным семьянином. Я мало видел людей, которые бы так, как он, обожали дом, жену, детей, потом внуков. Он им предан. Он говорит, что любовь – это забота, обязанность, работа, если хотите. Дуровский клан, за которым я с удовольствием наблюдаю, – это такой монолит, по сравнению с которым любой сицилийский выглядит как куча дохлых медуз, выброшенных на берег вчера при температуре +40°.

Дуров всегда говорит, что маленький человек – это победитель. Должно быть, это справедливо, ибо как-то нужно компенсировать то, чего недодала природа. Чем можно победить красивых и высоких? Только талантом и умением работать. И ещё – поступками, которые, собственно, и отличают мужчину от мужчины, определяемого только по половым признакам. Ну кто ещё, скажите, едва выкарабкавшись из тяжелейшего инсульта, через месяц поедет на съёмки, потому что группа, видите ли, простаивает без него; а месяцем позже уже опять будет играть рискованную роль Санчо, чтобы театр больше не отменял

спектакли? Да почти никто, большинство себя побережёт.

А в первые недели болезни – если и лежит, то поминутно дёргаясь. Поминутно пытается вскочить и чего-то изобразить, чем создаёт домашним дополнительные хлопоты и заставляет тренировать бдительность. Вечный двигатель – чего там…

Если бы мне предложили определить его амплуа, я бы ради Дурова изобрёл что-то новенькое, я бы сказал, что он – драматический клоун. То есть он сочетает в себе качества и белого, и рыжего клоуна. Счастливцева и Несчастливцева. Смешной, злой, вредный, всегда победитель – с одной стороны. И смешной (казалось бы!), однако вызывающий жалость и сострадание, – с другой. Вот как его Жевакин в той же «Женитьбе». У вас отчего-то сжимается сердце, когда он в этой смешной ситуации говорит эти смешные слова. Он может быть и тем и тем. Но – клоуном. И в этом ничего низкого, наоборот, это высший пилотаж в актёрской профессии – не стесняться быть клоуном и одинаково сильно владеть и трагическим и комическим. Только недалёкие люди, которых распирает от собственной значимости, произносят это слово с оттенком пренебрежения, например: «А что тут делает этот клоун?» Нет, клоун – это очень хорошо! Вот Феллини, например, чрезвычайно уважал клоунов. Он говорил: «Заставлять людей смеяться мне казалось всегда самым привилегированным из всех призваний, почти как призвание святого». И почти во всех его фильмах есть клоуны.

Пару лет назад в санатории «Актёр» в Сочи (там, к слову, фантазию особенно не напрягают: у них и санаторий – «Актёр», и ресторан на территории – «Актёр», и т. д.) – в столовой я увидел меню, в котором было блюдо, естественно, под названием: «Котлета рубленая „Актер“». Это уже не блюдо, это участь. И это напрямую относится к актёру Дурову. Рубленая, перерубленная эта котлета. Это участь, это доля, это, некоторые говорят, диагноз. Но это – и счастье, которое посещает иногда в этой профессии. Бывают в ней, знаете ли, минуты, нет, даже секунды, когда ты вместе с твоим уже залом поднимаешься над злобой дня, и у вас у всех становятся одинаковые глаза. Как вы становитесь добры, умны и великодушны, как вы благородны сейчас! И вот тот молодой человек в пятом ряду пойдёт сегодня и вдруг напишет письмо маме, которой не писал полгода; кто-то именно сегодня не повысит голос на жену или сына (ну не захочется отчего-то!) – ты что-то сделал сегодня на сцене такое, что его остановит. Вот ради этих мгновений, наверное, мы и живём в этой профессии. Дурову они удавались чаще других, поэтому он и счастливый человек.

География его звания (народный артист СССР) формально сузилась до размеров России, а фактически – расширилась. Потому что он по-прежнему народный артист и Украины, и Белоруссии, и Казахстана, и Прибалтики, и Израиля, и США, и всех других стран, где любят и помнят артиста Дурова, драматического клоуна, хулигана, анекдотчика, своего в доску мужика для всех слоёв населения, а потому – абсолютно народного артиста. Иногда, право, хочется сказать комплимент прямо в лицо, а то мы вечно делаем это за гробовой доской. Скорбно бубним: «От нас ушёл замечательный артист». Нет, слава богу, можно сказать: «Среди нас живёт замечательный артист». Будьте к нему повнимательнее, чаще говорите ему, что вы его любите, ничего, ничего, не стесняйтесь, это прижизненно согревает сердце адресату ваших похвал.

Вот, думаю я, всем не хватает счастья. Кому больше, кому меньше, кто считает, что у него вообще счастья нет. А многие даже не знают, что это такое, и принимают за счастье «чувство глубокого удовлетворения» (по Брежневу). Но, может быть, его и не должно быть много? Семья, любимое дело и, наконец, это великое умение – заставлять людей смеяться… И быть среди них своим, близким…

Часть вторая
Смотреть прямо

Кажется, совсем недавно было 50-летие. Двадцать лет прошли как два дня. Давно ведь известно, что вторая половина жизни идёт гораздо быстрее, чем первая. Не идёт даже – несётся. Впрочем, у меня нет уверенности в том, что у него сейчас вторая половина жизни, потому что он её живёт в точности как первую. В старости обычно люди не спешат. «Обычно», как и «старость», – это не про него. «Обычно» у него никогда не бывает, всё необычно. А старость и Дуров – вообще «две вещи несовместные». Интервал с 50 до 70 иногда превращает людей в дряхлых стариков. Дурова это совершенно не касается. Он не желает превращаться в старика ни внешне (в пятьдесят выглядел точно так же, как и сейчас), ни по поведению. Такое ощущение, что Дуров навсегда остаётся в возрасте предыдущего, пятидесятилетнего юбилея. Он так захотел. Когда уже многое можешь, умеешь, когда всё ещё сил полно и все они реализуются не вразброс, не куда попало, а правильно, без досадных ошибок. Вложиться можно во что угодно, иногда даже истратить себя на то, что потом окажется сущим пустяком, или, что ещё хуже, – на человека, который потом окажется сущим пустяком. Но в пятьдесят и далее, выражаясь специфическим языком криминального мира, «фильтруешь базар» несколько тщательнее. И это тоже плюс этого возраста. Хотя, надо признать, что у Дурова и сейчас темперамент бывает подчас сильнее разума, и никуда от этого не денешься, потому что темперамента в нём слишком много. И это ему идёт. Его ошибки ему к лицу. Не советую, однако, кому-нибудь пользоваться его опытом в этом смысле, потому что может не хватить ни темперамента, ни обаяния, и тогда ошибка может оказаться нервирующим проколом с последствиями.

Истории Дурова замечательны тем, что, беря за основу какое-нибудь малозначительное событие, на первый взгляд вовсе не смешное, – он затем додумывает и дофантазирует его до комического абсурда.

Ну, например, известная история о том, как он ехал в машине на съёмки фильма о Льве Толстом вместе с Питером Устиновым, который этот фильм снимал. Дуров был в гриме и одежде великого писателя, и когда их зачем-то остановил инспектор ГАИ, Дуров-Толстой вышел из машины и стал расспрашивать обалдевшего милиционера: как там дела в Ясной Поляне, какие

виды на урожай, здорова ли Софья Андреевна? Далее шло описание реакции гаишника на эту беседу, по ходу которого он белел, заикался и стал звать Дурова по имени-отчеству – Лев Николаевич. Теперь скажите, может ли найтись в нашей необъятной родине хоть один человек, пусть самый необразованный, пусть отъявленный двоечник, не окончивший школу по причине умственной отсталости, который поверил бы сегодня, что автор «Войны и мира» всё ещё жив и едет в своё имение воспользоваться новым законом о реституции, чтобы вновь стать законным владельцем Ясной Поляны?! Нет таких! Ну нет, и всё!

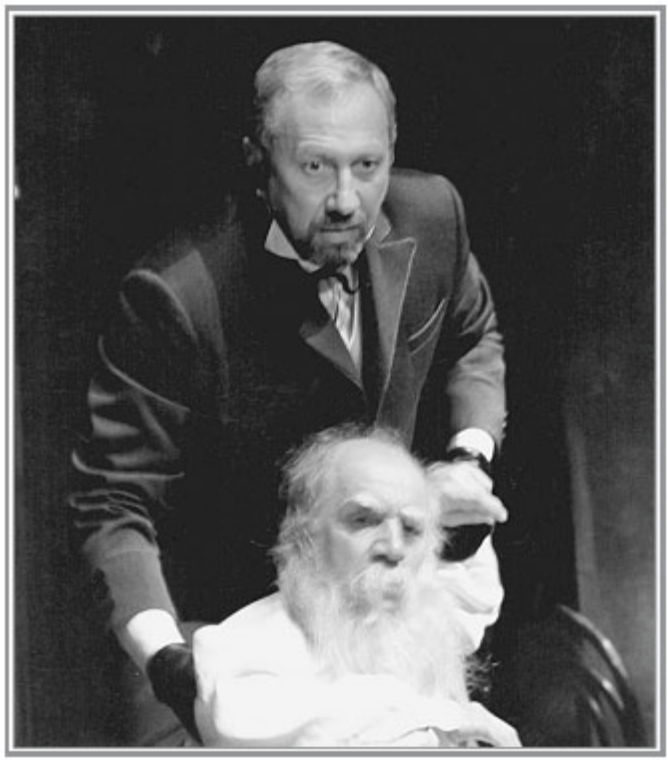
Или рассказ о лающей корове, которую хозяйка, мол, держала на цепи и поила самогоном до тех пор, пока корова не переродилась в сторожевого пса?.. Само предположение, что в деревне найдётся псих, который драгоценный самогон отдаст корове, – совершенно абсурдно. Но Дуров яростно настаивает на том, что это правда. И таких историй у него множество, но рассказывает он их настолько весело и заразительно, что люди лежат от хохота. Верить в данном случае вовсе не обязательно, можно быть просто благодарным за доставленное удовольствие.

Такое умение Льва Константиновича однажды послужило поводом для рождения эпиграммы злоязычного Гафта после выхода в свет дуровской книги «Грешные записки»:

Артист, рассказчик, режиссёр!..
Но это Лёву не колышет.
Он стал писать с недавних пор…
Соврёт, поверит и запишет.

Думается, что Дуров живёт сегодняшним днем. И ещё немного – завтрашним. Это очень правильно, так как то, что ты говоришь или делаешь сейчас, – уже через секунду становится прошлым, на которое оглядываться или тосковать по которому – непродуктивно и не совсем по-мужски. Необаятельная, плаксивая тоска по ушедшей молодости не для Дурова. Сейчас и только сейчас – реакция, поступок, речь. Потом можно оценить, сделать выводы, но не тосковать ни в коем случае. Что ему тосковать-то по ушедшей молодости, когда он сейчас и молод, и подвижен, как мало кто из тридцатилетних?.. Если у него на глазах и появляются слёзы, то, что называется, – по делу. Они бывают вызваны сиюминутной эмоцией по поводу того, что происходит сейчас, а не из-за какого-то эфемерного далека. Когда такое случается на сцене, то становится особенно явно, почему Дуров – артист такого масштаба, такого класса. Происходит то самое

таинство искусства, в поисках которого наиболее честные молодые люди и поступают в театральные институты. Ради этого, а не ради тщеславия, потому что редко кто согласится жить годы в безвестности и получать в своём театре месячный оклад, примерно равный однодневному заработку мелкого клерка Центробанка или Газпрома.



Сцена из спектакля «Миссис Лев», в котором Л. Дуров, разумеется, исполнил роль Льва Толстого. Кстати, он очень гордился тем, что, когда на «Мосфильме» ему сделали полный грим великого писателя, ассистенты и гримеры решили пошутить следующим образом: брали подлинную фотографию Л. Толстого и фото Дурова в гриме, а потом показывали всем встречным обе фотографии с вопросом: кто из этих двух подлинный Л. Толстой? И большинство указывало на Дурова. А я в этом спектакле исполнял роль друга Толстого и его издателя – Черткова. Этим объясняется моё присутствие на этом снимке

Некоторые артисты ошибочно полагают, что если они заставят себя заплакать на сцене – то это уже высший пилотаж и зрители, исполненные сострадания к персонажу, тоже не смогут сдержать слёз. Совместных рыданий с залом, как правило, не получается, потому что зрители начинают сострадать не столько

персонажу, сколько артисту: надо же, как мучается, бедный, весь уже слезами облился! Нет, пилотаж становится действительно высшим, когда артист сдерживается, не даёт волю слезам, интонации его делаются скупыми и выразительными, но видно всё – всё, что он чувствует, как преодолевает себя, и в кажущейся простоте исполнения (кинематографической простоте, когда не дай бог переиграть на крупном плане) – такой силы скрытая эмоция, что заражает зрительный зал моментально. Все сидят не шелохнувшись и, затаив дыхание, следят за артистом. Он их уже повёл, околдовал. И когда Дуров произносит монолог всё того же Льва Толстого в спектакле «Миссис Лев» (спектакль называется так странно, потому что он скорее о жене Толстого Софье Андреевне), когда стоит над ней, в который раз покончившей с собой понарошку, – он знает, что это очередной шантаж, но ему нестерпимо хочется отнестись к случившемуся серьёзно. Он говорит тихо, ровно, без намёка на театральность, без соответствующих голосовых модуляций, задумчиво так роняет слова; ничего с ним вроде бы и не происходит… Вот только я, стоящий рядом, вижу, как по щеке прокладывает дорожку капля, в природе которой усомниться нельзя, и понимаю – это честная работа! Без расчета на реакцию публики, без всякой надежды на взаимность, бесплатно, для себя! И, кажется, партнёры, которые это видят, должны испытывать некоторый стыд за то, что они сейчас пусты по сравнению с ним.

Другое – в жизни. Тут Дуров слёз не держит. Впрочем, не совсем в жизни, т. к. тогда была очередная съёмка ТВ-программы «Белый попугай». Анекдоты сыпались один за другим, но вдруг пошёл дождь, а съёмка была под открытым небом, у речки. Прерывать её не стали, и правильно, потому что возникла атмосфера чего-то тёплого, уютного, домашнего. Олег Газманов взял гитару, над ним раскрыли зонт, и он запел (всего лишь под гитару) свою песню «Господа офицеры». Надо признаться, что выпито в тот день было много. Наверное, потому что холодновато было. Этим обстоятельством отчасти и объясняется слишком обострённая реакция Льва Константиновича на уже много раз слышанную песню. Когда Газманов допел до слов «ваше сердце под прицелом», из глаз Дурова обильно потекла влага, смешиваясь с каплями дождя, потому что площади зонта, раскрытого над певцом, ему, сидящему рядом, – не хватило. Он всхлипывал, как ребёнок, и утирал лицо ладонями, вертикально – от глаз вниз. Нормальная, искренняя реакция, что ж тут такого… Ничего удивительного, если ещё учесть, что эта песня трогает многих людей, и не только офицеров. Однако это послужило поводом для циничного глумления друзей над Дуровым,

длившегося потом без малого полгода. Если Дуров начинал, как обычно, подначивать кого-то или непосредственно меня, я знал, что имею в арсенале страшное оружие, которое сведёт на нет все его усилия. Я подходил к нему близко и точно так же, как и он тогда, утирая ладонями лицо, начинал дико и ненатурально выть: «Ва-а-ше сердце под прицело-о-ом». И переходя на рыдания: «Ой, не могу я! Под прицелом, что же это такое делается!»

Более того, если по телевизору показывали Газманова, я тут же набирал номер дуровского телефона и говорил:

– Как? Ты еще не плачешь? Быстро включай второй канал.

– А что там?

– Быстро включай, не спрашивай!

Через минуту раздавался звонок уже мне:

– Сволочь! Долго это будет продолжаться?!

Апофеозом должен был стать звонок самого Газманова. Мы как-то встретились с ним снова на телевидении, и я, рассказав ему всё вот это про Дурова, подговорил позвонить ему домой, когда он, Газманов, будет на экране. Олег загорелся. «Двадцать первого марта, – говорит, – у меня сольный концерт по Первому каналу. Я позвоню».

Жаль, не вышло, оказалось, что как раз в этот день Дуров был в отъезде. Ну ничего, как-нибудь в другой раз и что-нибудь свеженькое. Такой вот стиль общения у нас с ним.

Когда-то я написал о нём некое эссе под названием: «Perpetuum mobile, или Портрет Льва Дурова в интерьере нашей жизни». В этом произведении я пытался доказать, что вечный двигатель по сравнению с Дуровым – это мрачный, неподвижный истукан. Это было давно, но знаете, так оно и сегодня. Шило не в одном месте, а в нескольких – это у него, видимо, навсегда. Столько же темперамента, умения заводиться с полоборота, столько же готовности включиться в игру, готовности помочь, и если нужно – срочно.

Был инсульт. Казалось бы, можно теперь себя и поберечь, тем более что врачи велели. Черта с два! Плевал он на инсульт и грозящие последствия. Пресловутое шило гонит его вперёд, прямо, по той самой магистрали, которую он сам считает честной и правильной. Не подвести никого! Много тратиться – вот его стиль. Мало, в щадящем режиме – он не может, не умеет. Из последствий болезни осталось одно – потеря периферического зрения, то есть он может видеть только прямо, а бокового зрения нет. Поэтому ему запретили водить машину. Как вы думаете, послушался он запрета? Вы правильно догадались: уже водит. Видит только прямо и водит. А может, эта потеря периферического зрения – и не потеря вовсе, а Божий промысел?

Смотреть только прямо, чувствовать, действовать прямо, говорить так же, без закулисной подлости, проясняя отношения кратчайшим путем – по прямой; может, это очень хорошо – смотреть только прямо и не распыляться по сторонам.

Часть третья
Словарь

К 50-летию Льва Дурова был составлен краткий словарь, состоящий из слов, выражений и словесных оборотов, наиболее правильно отвечающих смыслу и сути и юбилея, и самого юбиляра. Сегодня этот словарь, естественно, расширен и представляет собой компактный и чрезвычайно удобный в употреблении путеводитель по жизни и творчеству Дурова.

Составителей словаря цифра юбилея, мягко говоря, не пугает. Цифры – цифрами, будь то 50, 70 или 100, но суть юбиляра остаётся неизменной и образ жизни – тоже. Если учесть, что известный американский актёр Чарльз Бронсон в возрасте семидесяти одного года, после того как его машину нагло подрезал джип, набитый молодыми хулиганами, спокойно вышел из машины и первым же ударом распластал по асфальту самого нахального, а потом его едва оттащили от остальных; если вспомнить, что пару лет назад наш юбиляр вынужден был вступить у себя на даче в контакт с отморозками из соседнего села и через несколько минут неконструктивного диалога, во время которого они никак не могли прийти к консенсусу, один из них уже лежал молча на просёлочной дороге, а других наш юбиляр разогнал железным ломом с пугающей лёгкостью, которой мог бы позавидовать не только Ч. Бронсон, но и Брюс Ли, – так вот, если учесть всё вышесказанное, то цифра «70» читается сегодня только радостно. И словарь начинается с соответствующего слова.

Дуролом – рабочее орудие юбиляра, то есть тот самый железный лом, с помощью которого он разгоняет нежелательный контингент, вторгшийся на его территорию с агрессивными намерениями.

В народе существует справедливая поговорка, предостерегающая желающих ввязаться в прямой конфликт с юбиляром: «Против дуролома нет приёма». Против лома нет приёма, кроме лома, – это понятно, а против дуролома – нет вообще.

Дурость – это слово сегодня читается как «радость» и является его синонимом. Например: «Я сегодня испытываю безграничную дурость» и т. д. Так же, как и дурно – на сегодняшний день означает – «хорошо». Например, комплимент для женщин: «Как дурно ты выглядишь сегодня», или «Как же ты

подурнела». Соответственно дурнушка сегодня – красавица.

Одуреть – влюбиться в Дурова, точно так же, как «окоченеть» – влюбиться в… сами понимаете.

Совсем одуреть – выйти за него замуж. Полудурок – любой родственник его в 1-м поколении.

Дурында – машина Дурова.

Дуремар – хороший человек. Продавец лечебных пиявок, нормализующих артериальное давление юбиляра, которое иногда повышается из-за слишком чуткого восприятия фактов, на поверку оказывающихся пустяками. Или, если речь зашла о медицине, процедура – медсестра, услугами которой временами он пользуется.

Дурачиться – репетировать с Дуровым.

БАНДуристы – блатные друзья его лефортовского детства.

Дурдом – Театр на Малой Бронной.

Дурдом-2 – театр «Школа современной пьесы».

Обдурить – обмануть Льва Константиновича, что, впрочем, чревато тяжёлыми последствиями (см. слово «дуролом»).

Дурища – любая знакомая Льва Константиновича весом более 100 кг.

Дурачьё – все присутствующие на сегодняшнем торжестве.

Дуршлаг – аншлаг на любом спектакле с его участием.

Гондурас – единственное, пожалуй, что Дурова сегодня совершенно не волнует.

Дурново – поместье, усадьба, имение, а попросту – дача Льва Константиновича.

Гнать дурку – участвовать в телепередаче «Белый попугай».

Дурачок – сжатая в кулак рука Льва Константиновича.

Дина Дурбин – американская киноактриса, не имеющая к Дурову ни малейшего отношения.

Дурошлёпы – домашние тапочки Льва Константиновича.

Дурочка – дочь его. **Дурашка** – внучка Дурова. **Дурачок** – внук.

Можно было бы и продолжить, но предоставляю эту возможность всем читателям этого произведения.

Эпилог

Лев Дуров недавно покинул нас, покинул этот мир. Вечный двигатель нельзя остановить, его можно только сломать, как сломали его не болезни, не вирусы, не дряхлость, не ржавчина и даже не износ механизма и наступившая усталость. Дело в другом! Ведь давно существует аксиома, утверждающая, что вечный двигатель создать нельзя, он невозможен. И тут обнаружилось, что, оказывается, есть на белом свете одно исключение из незыблемого правила – Лев Дуров. И тогда само время, природу мироздания, законы физики и механики, да и весь материальный мир это стало раздражать! Это что же такое делается?! Ведь сказано же: «Вечный двигатель невозможен!» А этот?! Всё равно движется, бегает, работает, шутит, анекдоты травит… Непорядок! И поскольку вечный двигатель Дуров был создан из далеко не вечного непрочного и легко уязвимого белкового материала, то его вполне было возможно разрушить, сломать. Ура! Равновесие в природе восстановлено.

Однако не следует забывать, что, кроме материального мира, существует ещё кое-что, гораздо менее скучное… И жизнь Дурова убеждает всех нас, что в ответ на любое «никогда» мы можем теперь подумать: «А вдруг…»

Александр Кайдановский

Каин

Вот передо мной несколько фотографий. Они сделаны и подарены фотокором журнала «Советский Союз». В редакции журнала у нас был концерт. Строго говоря, концертом это назвать нельзя; у них был какой-то юбилей, сколько-то лет журналу, и прямо в редакции, в большой комнате, за столом, кто сидя, кто стоя, все веселили редакцию как могли. Еще с нами был композитор Шаинский, но он скорее был не с нами, а с ними, его пригласили отдельно, он был вроде другом главного редактора. А главным редактором был зять Н. С. Хрущёва – Аджубей. Веселье достигло апогея тогда, когда Шаинский был усажен за фортепьяно и его попросили спеть попурри из своих популярных песен. Маленький, плоховато поющий, но компенсирующий этот недостаток бурным темпераментом композитор поёрзал слегка на подложенной на стул подушечке и начал. Все подхлопывали и подпевали; судя по всему, он выступал тут не в первый раз, а когда дошёл до всенародно любимого шлягера «Хмуриться не надо, Лада», все, и особенно Аджубей, дошли, в свою очередь, до экстаза. Большой, широкий, разгульный, краснолицый Аджубей, сметая всё на своём пути, пустился в пляс. «Для меня твой смех – награда! – выкрикивал он, как на митинге. – Лада!» И тут, словно ставя точку, звонко целовал Шаинского в лысую макушку. Шаинский вздрагивал и съёживался, как от просвистевшей над головой пули, склонялся к клавишам, но увернуться от всплеска аджубеевской любви было трудно; он был скован пространством клавиатуры, песню надо было продолжать, и его нагонял ещё один страстный поцелуй в макушку с весёлым звуком вытаскиваемой из грязи калоши.

Мы, уже почти артисты, выпускники, четвёртый курс. Нас пятеро здесь: Александр Кайдановский, Иван Дыховичный, Борис Галкин, Леонид Филатов и я. И все уже чего-то умеют, и тем, что умеем, радуем редакцию. Вот отдельная фотография: мы с Кайдановским поём в два голоса Пастернака: «Мело, мело по всей земле во все пределы, свеча горела на столе, свеча горела». У нас красиво получается, чистая терция и общее настроение. Но он поёт и один. Вообще, к четвёртому курсу сложились свои приоритеты: Галкин лучше всех читает стихи, особенно Есенина (сочинять и петь он начнёт позже), Филатов лучше всех сочиняет, и не только стихи. Дыховичный «открыл» для себя и для всех нас Дениса Давыдова, стал сочинять мелодии на его стихи и прочно обосновался в этом песенном поле, я с песнями на стихи Филатова стал лидером в области авторской песни, которая тогда

набирала силу и превратилась уже в целое движение. «Лидером в нашем общежитии», – саркастично заметил Лёня, когда мы делали ТВ-передачу к его юбилею. Это неправда, но пусть скромность украсит сегодня наши помятые временем лица.

Как только снимается очередная телепередача или документальный фильм о моём знаменитом однокурснике, меня обязательно просят что-нибудь о нём вспомнить и рассказать. Но лучше и проще для меня – не повторяться в рассказах о нём множество раз, а написать то, что считаю интересным и существенным. А на фото – как раз тот момент, когда мы с ним в редакции журнала «Советский Союз» поём в два голоса Пастернака «Мело, мело по всей земле…». Между прочим, сидят, к сожалению, спиной И. Дыховичный и Л. Филатов

Кайдановский тоже сочинял, об этом мало кто знает. Он сочинял благородные и грустные романсы на стихи Гумилёва, Волошина, Бунина. Сегодня я понимаю, что они были просты и безупречны. Поэт выходил в них на передний план, и Саша своим пением лишь подчёркивал его достоинства. К этому времени уже видно, каков артист Саша Кайдановский: он скуп в выразительных средствах, но это скупость Жана Габена, когда лицо не гримасничает, оно часто почти неподвижно, но мы тем не менее видим, о чём он думает, мы угадываем, что он чувствует. И это его пение – в тени поэта, в тени произносимых слов – такое же. Вы, кому я все это рассказываю, знаете его как крупного

киноартиста, и всего несколько десятков людей знают, слышали, как он поёт, но поверьте мне на слово, это было – вот сейчас подыскиваю слово, и всё неправильно: изумительно – нет, не то, ничего там не изумляло; потрясающе – тоже неверно, т. к. не потрясало; блестяще – неправда, скорее это относилось к Ивану Дыховичному; скажу просто – это было больше чем хорошо. Значительно больше. И вам действительно придётся поверить мне только на слово, потому что не осталось ни одной профессиональной записи, ничего, что могло бы подтвердить мои слова; осталась только память: о неповторимом благородном и мягком голосе, в котором обертонов было больше, чем у Джо Дассена (я хотел вначале написать «бархатном», но потом вспомнил, что Саша этот эпитет не переваривал); о странном, ни на чьё другое не похожем лице, лице пришельца; о чистом звуке, в котором не было ни одной нелогичной, фальшивой ноты; и о сдержанной манере, в которой скрыто было больше, чем спето. «Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд, и руки особенно тонки, колени обняв. Послушай, далёко, далёко на озере Чад изысканный бродит жираф», – пел Саша стихи Гумилева, и мы уносились все к неведомому озеру Чад, в страну, где нас не было и не будет, потому что страны такой нет. Но, может, мы её откроем, ведь вся жизнь впереди, поэтому грусть легка и беззаботна. Ведь должна же она где-то быть, эта страна, в которой правят изысканные чувства, светлые мысли и красивая любовь. И всё то время, пока Саша поёт, мы верим в это – да что там верим! – знаем, что она есть, и мы в ней ещё поживём вместе с нашим певцом-однокурсником. «Ему грациозная стройность и нега дана», – поёт Саша в моей памяти, и я думаю, как эти слова ему самому подходят. И грация, и нега – всё в этом пении есть, и не только в пении – в нём самом! А дальше: «И шкуру его украшает волшебный узор». Да-да, конечно, и пятна на шкуре были, ну куда же без них, и узор диковатый и тревожный, как сон наркомана. Причудливый узор его характера составляют нега и пятна, грация и жестокость, романс – и над ним же – едкая насмешка.

Он готов к драке всегда, он может ударить человека по справедливости, а может и ни с того ни с сего. Однако когда мы возвращаемся в общежитие… Нет, не тогда после концерта в редакции, а раньше, возвращаемся из района Рижского вокзала, куда мы ходили за вином, и на нас налетает шпана, и в руке одного из них появляется нож, Саша голой рукой хватается за лезвие, и на лице его ничего не меняется, он сжимает нож рукой, а из руки уже хлещет кровь, и удивлённый хулиган всё пытается выдернуть лезвие из Сашиной руки, но Саша держит так крепко,

что он не может, и тогда Саша бьёт его левой рукой в лицо, ещё и ещё, и тот падает, а затем убегает, и нож остается в красной от крови Сашиной руке, и Саша, усмехаясь, глядит на свою исполосованную руку, а потом бинтует её нашими носовыми платками. Драка была остановлена абсурдным поведением Каина. «Каин» – это его прозвище все студенческие годы и позднее тоже, почему – не знаю. Каин убил Авеля. А наш Каин потом убьет Кайдановского. Сам себя. Кажущийся абсурд поведения – голой рукой за нож – остался в нём навсегда, всегда была эта готовность к риску, к игре в очко со смертью, в которой смерть – банкомёт, и все карты у нёе, и следующая карта оказывается перебором; а в банке – жизнь, и банкомёт её забирает. Два инфаркта были у Каина, а потом – перебор, и на третьем он понёсся к своему озеру Чад, рискнув, проиграв и благородно улыбнувшись на прощание… Когда был второй инфаркт, они с Филатовым оказались одновременно в одной больнице, в кардиологическом центре. У Лёни – инсульт, у Саши – инфаркт. Саша уже был слегка ходячий, а Лёня – ещё нет. Лёня говорит: «Давай сделаем передачу о Солоницыне». Он имел в виду свою программу «Чтобы помнили». Солоницын и Саша тесно связаны между собой Андреем Тарковским, поэтому логично, если Саша примет участие в такой программе. А Саша ему отвечает: «А тебе не кажется странным, что два полутрупа будут делать фильм о целом?..» Цинизм? А как же. Но только абсолютно беспощадный и к самому себе. Он весь такой, пятна на шкуре сплетают одному ему ведомый узор.

Он встретил нас с сыном на Калининском проспекте (теперь Новый Арбат. Саша жил рядом). «Пойдём, – говорит, – ко мне. Я покажу тебе на видео своего „Керосинщика“». Он уже сам ставил фильмы в то время. Пошли. Сыну – лет двенадцать. Я побаиваюсь, что ему будет скучно. Фильм идёт, Саша посмеивается, будто всё, что он сделал в этом фильме, – забавный розыгрыш зрителя, а зритель этого так и не понял. Он посмеивается, а я вижу, что для него это серьёзно и что наша реакция ему не совсем уж безразлична. Мы смотрим. Сыну не скучно, даже, похоже, – наоборот. Он потом говорит мне, как понял некоторые эпизоды, и я понимаю, что Саша достиг результата, какого хотел. И если подросток сумел этот фильм почувствовать, значит, у фильма есть будущее. Фильмы Сашины останутся жить. И останется навсегда его монолог в «Сталкере», его лицо страдающее; желание быть понятым, а никто не понимает; острая жажда быть не одиноким и всё равно им оставаться; неутолимая тоска по озеру Чад, на берегах которого ты любим и никому ничего не

надо объяснять. А у меня останется эта фотография, на которой мы вместе поём о том, что «свеча горела на столе, свеча горела».

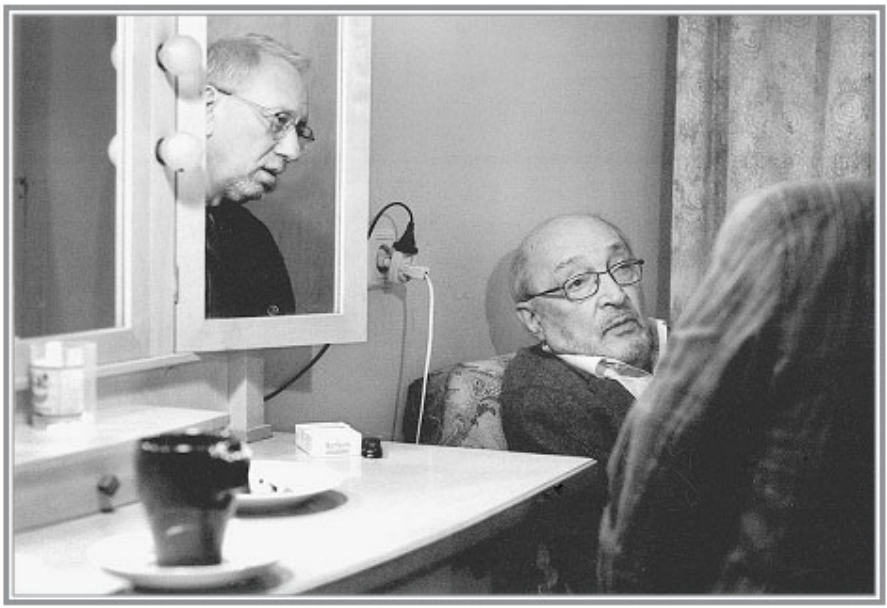
Михаил Козаков

Легенда

Меня не покидает «восторг», когда я слышу словосочетание «живая легенда». Значит, существует и мёртвая. А термин «мёртвая легенда» вообще портит настроение. Равно как и «живая легенда» – что-то вроде упрёка в том, что ещё, как ни странно, – живая. Как шутил когда-то писатель Михаил Генин: «Если есть домашние хозяйки, значит, где-то должны быть и дикие».

Не лучше ли – комплиментарно, но и вежливо назвать человека просто легендой?

Вот и Козаков – безусловно фигура легендарная. Люди всегда не только смотрели его фильмы и спектакли, не только слушали, как он читает стихи, но и собирали о нём всяческие сплетни. А нынче, впрочем, как и всегда, легенду без сплетен не сплетёшь. Так, если всем известно, что Козаков умеет и любит читать стихи и знает их в огромном количестве, то попутно возникает полуправда-полусплетня о том, что он во время застолья, не понимая, что утомляет собравшихся, безостановочно читает стихи до утра, не оставляя никому времени даже произнести тост. И это становится юмористической частью легенды. А ведь немногие способны на такое, хотя бы потому, что меньше знают, менее образованны. Козаков образован, он знает русский язык, в чём с ним могут сравниться очень немногие русские артисты. Он отчасти – миссионер. Он желает поделиться с аудиторией стихами и эмоциями, в них заложенными, он несёт в массы культуру, не отдавая себе отчёт в том, что эта культура нужна массам, как виндсёрфинг – похмельному бомжу.



Мы с Михаилом придумали и осуществили спектакль «Ниоткуда с любовью». По стихам его любимого поэта И. Бродского, дневникам, интервью и т. д. Играли, правда, к сожалению, недолго – в театре «Школа современной пьесы». Потом он уехал – с целью умереть там, что потом и исполнил. На снимке мы с ним в гримёрной нашего театра на Трубной. Теперь театр с трудом восстанавливается после пожара. Получается – и театра того нет, и М. Козакова тоже

Но Михаилу безразлично мнение аудитории: он хоть и миссионер, но всё же главное – самому испытывать наслаждение от процесса творчества, происходящего сейчас, в эту минуту. А если кто не понимает, значит, он просто животное, и к нему можно отнестись с пренебрежением и повести себя – рискуя схлопотать по лицу, – оскорбительно и по-барски. Даже в адрес профессиональных критиков он в своей книге выразился так: «Меня не интересует мнение евнухов о любви». Но поскольку Козаков стопроцентный артист – от кокетливой кепочки с красным помпоном до жалоб на здоровье (пусть даже обоснованных), – мнение «евнухов» его всё равно интересует. И не только у критиков, но и у любого случайного человека он может спросить после спектакля: «Ну как?»

В Михаиле Козакове сосуществуют два совершенно разных человека. Вот например: он создал удивительно нежный и обаятельный фильм о любви и невозможности счастья («Безымянная звезда»). В нём есть отзвук, эхо знаменитых «Римских каникул» с Одри Хёпбёрн и Грегори Пеком. И почти

невозможно поверить, что этот же человек может публично оскорбить, больно ранить ни в чём не повинного человека. Всё, как у его любимого поэта – Иосифа Бродского. А ещё – страх за себя и свою самосохранность и одновременно – полное пренебрежение собственным здоровьем; абсолютный, даже забавный временами, эгоцентризм и вдруг – пристальное внимание и участие в другом человеке и т. д. и т. д. Он бывает и великим, и мелким, и притом сам это прекрасно знает. Всё, что называется, в одном флаконе. Но… кто-то из великих (чуть ли не сам Пушкин) сказал ведь, что «всё лучшее в себе я отдаю бумаге». Вот так и Козаков: всё его лучшее – творчеству; всё худшее – жизни, быту и прочему.

И я смотрю на него – иногда с восхищением, иногда – с любопытством, а порой – даже с отвращением, которое тут же забывается при очередном его творческом всплеске. И тогда горжусь тем, что он однажды назвал меня другом, что в его устах не играет абсолютно никакой роли, так как любая другая роль и вообще роль – значительно важнее. Но я всё равно горжусь…

И последнее. Эпиграфом к жизни Михаила может послужить цитата из стихотворения ещё одного его любимого поэта Давида Самойлова:

Да, расплачиваться надо на миру
За веселье и отраду на пиру,
За вино и за ошибки – дочиста.
Но зато дуэт для скрипки и альта!

Сергей Михалков

Казалось бы, баснописец…

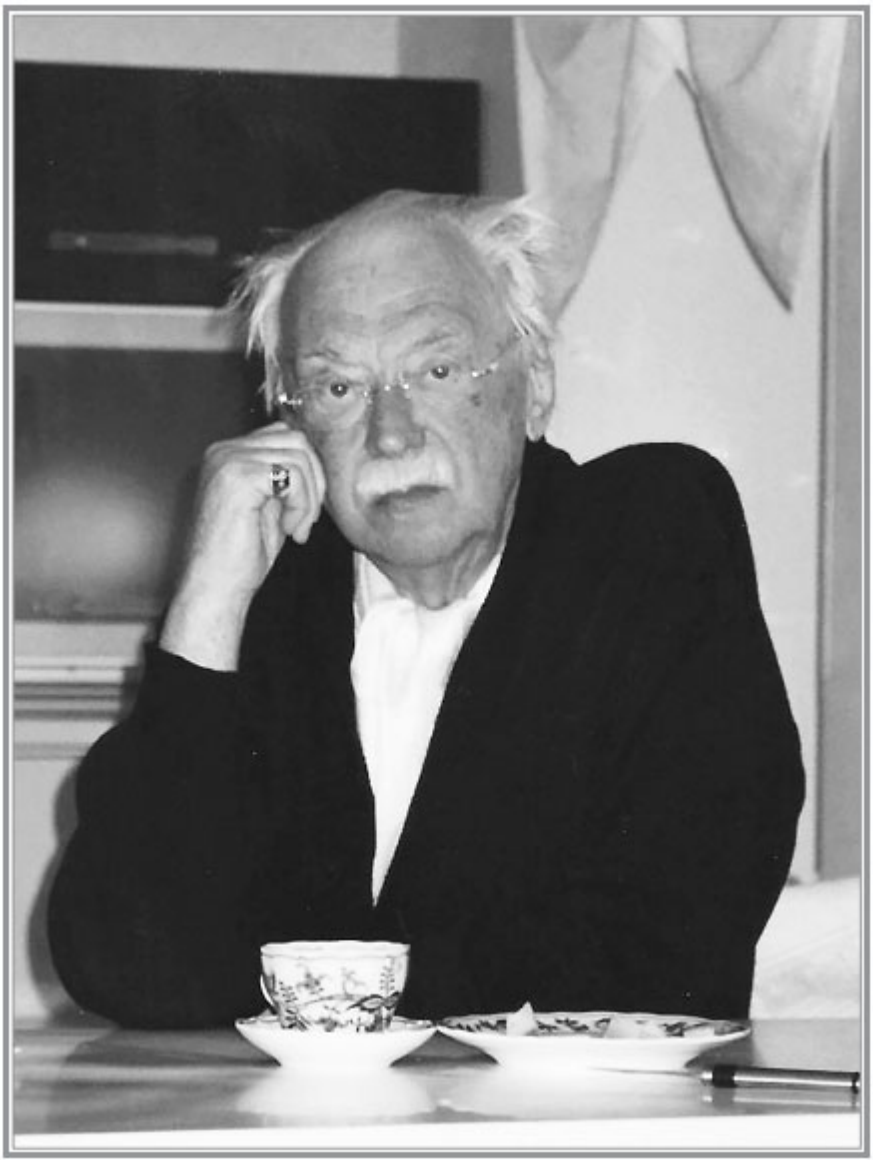
Я всё пытаюсь на этих страницах формирующейся книги избежать популярного жанра под названием «мемуары» и написать серию очерков (или новелл) об известных людях, с которыми связаны не столько мои воспоминания о них, сколько забавные эпизоды из их жизни с моим вольным или невольным участием.

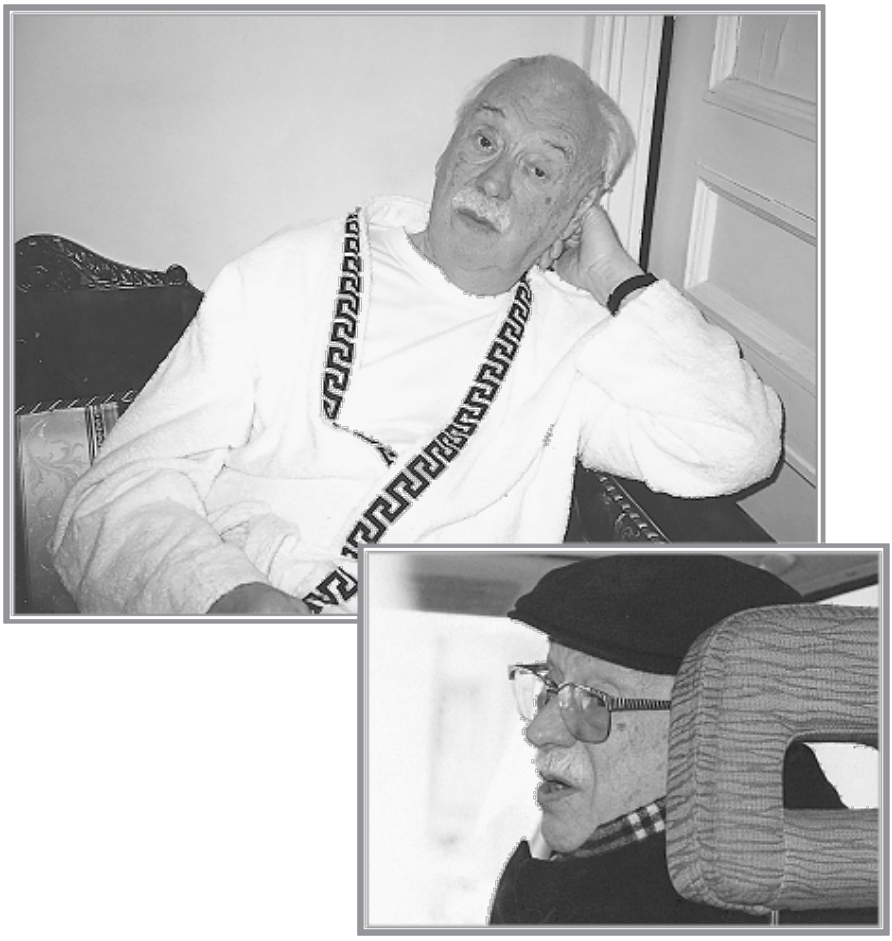
Однако любая попытка убежать подальше от мемуаров заслуживает одобрения, ибо их авторы чаще всего рассказывают о себе, а личности, попадающие в рассказ, даже самые знаменитые, представляют собою не что иное, как кордебалет, миманс, массовку – короче, гарнир, приправу к основному блюду мемуаров – нетленному образу вспоминающего. Однако все мои попытки обречены, несмотря на благородное стремление акцентировать внимание не на себе, а на человеке, о котором идёт речь, и к тому же на каком-то смешном и даже анекдотичном случае с его участием… Но без постоянного употребления местоимения «я» не обойтись, и потому все эти зарисовки всё равно носят черты этакой застенчивой мемуаристики. Но всё-таки «застенчивой», и потому – приступим…

Некоторое время тому назад я был солистом оркестра Л. О. Утёсова, и автором программы под неприхотливым названием «Утёсов-80» номинально числился С. В. Михалков. То есть его авторитетная подпись украшала сценарий программы, а фактически сочинять, придумывать её мог кто угодно. Нет, он, разумеется, бывал на репетициях, и с удовольствием всё комментировал, давал советы, вносил поправки, но прямо скажем, из сил он не выбивался при создании этого концерта. Он уже давно мог себе позволить только поставить подпись в бухгалтерской ведомости и разрешить использовать своё имя в афише. Он заслужил, был в этом уверен и воспринимал любые знаки внимания и уважения к себе с олимпийским спокойствием, и нервы попусту не тратил. Да и вообще он их не тратил… Может, потому и жил долго и мирно со всеми. Его легендарное спокойствие, как устоявшийся стиль взаимоотношений с людьми, породило целую серию остроумных изречений и реплик, ему приписываемых. Почти анекдотов. Я знаю их не меньше дюжины, но расскажу всего лишь два, наиболее, как мне кажется, для него характерных.

Сейчас в обиходе термин «писатель-сатирик». Для меня он загадочен и двусмыслен. Понятно, что писатель… И всё же

приставка «сатирик» – это как? Меньше, чем просто писатель, или больше? Салтыков-Щедрин давно классик, но сегодня он непременно угодил бы под рубрику «писатель-сатирик», что было бы для него, пожалуй, более унизительно, чем почётно. Ещё, вероятно, он был бы сегодня «сатириком», потому что невероятно, поразительно современен. Он читается или ставится в театре так, что оторопь берёт: человек написал это задолго до советской власти и тем более демократии. Градоначальники города Глупова со своими нововведениями разве никого нам не напоминают?





Ну а тут уже ничего не надо добавлять. Перед вами орденоносец, многократный лауреат, автор всех гимнов новейшей истории России, лучший друг детей, отец выдающихся режиссёров современности – С. В. Михалков

Однако к делу…

В расцвете застоя советской власти в «Современнике» идёт сдача спектакля «Балалайкин и К°» как раз по произведениям Салтыкова-Щедрина (инсценировка С. Михалкова). Все почти уверены в том, что его не примет комиссия управления культуры исполкома Моссовета. В ту пору спектакли сдавали комиссии, а она либо принимала, либо нет. И если нет, тогда спектакль, на который было уже затрачено много денег и сил, был обречён на забвение, даже не родившись. Естественно, злющие слова писателя подходили идеально к сегодняшнему дню, и по мрачнеющим лицам членов комиссии было ясно, что такого вольнодумства театру «Современник» не простят. Исключено! А в

зале сидит лауреат всех премий и Герой Труда С. В. Михалков. Члены комиссии оборачиваются к нему и ищут в его глазах солидарное возмущение этой, с позволенья сказать, – антисоветчиной! Ещё бы! Сидит человек, который напрямую может общаться с членами политбюро по соответствующему телефону. И если он поддержит уже готовое мнение комиссии, то этому спектаклю – да что там спектаклю, – всему этому мерзкому диссидентствующему театру придёт, наконец, заслуженный пи… ц! Кончился спектакль. Тяжёлая, выжидательная пауза, которую нарушить первым имеет право только он – С. В. Михалков. И комиссия от него только и ждёт команды «фас», чтобы кинуться и растерзать. И вдруг он говорит нечто совершенно неожиданное. Тихо, медленно, с привычным своим заиканием: «Д-да… Никогда ещё царизм н-н-не п-получал такой пощёчины!»

Как!

Перестройка мнения у собравшихся партийных лакеев на прямо противоположное произошла моментально. Все стали хвалить спектакль. Он был благополучно принят и надолго вошёл в репертуар театра.

А второй эпизод связан, конечно, с написанием ещё одного гимна страны, теперь уже Российской Федерации. Его юмор отличался от других аристократизмом и полной невозмутимостью. Он рождается и произносится в абсолютно непоколебимом покое. Первый советский гимн, сочинённый в соавторстве с Г. Эль-Регистаном, вызвал у многих собратьев по перу и зависть, и якобы презрение к патриотической коньюнктуре, и ещё много чего порочащего, по их мнению, звание русского поэта, который должен хотя бы слегка быть в оппозиции к власти. И когда один из них бросил в лицо Михалкову прямо, нагло и вызывающе фразу: «Ну и говно же ты, Сергей, написал», тот со своим чрезвычайным спокойствием ответил: «Г-г-овно – не г-говно, но будешь слушать стоя!» Этот случай знают если не все, то многие.

А вот этот гораздо менее известен.

Второй гимн вызвал ещё больше негодования, особенно у набирающей силу и уверенность свободолюбивой отечественной демократии. Ну надо же! Подправил кое-где слова, чуть-чуть изменил и – на тебе – новый гимн, родной сын (или брат) старого! Поэтому, когда С. В., будучи на каком-то литературном симпозиуме или конференции, ехал в лифте на свой этаж, рядом с ним стоял очень популярный поэт, чей этаж был пониже, который стал предъявлять ему гневные демократические претензии. Лифт остановился на его этаже. Он всё ещё продолжал свою нервную тираду при выходе. В закрывающиеся двери лифта

он продолжал кричать и почти оскорблять автора гимнов в своём оппозиционном экстазе. И когда двери почти закрылись, Михалков в оставшуюся щель флегматично обронил: «С-слова учи…» Будто посоветовал. Двумя словами убрал возвышенный пафос коллеги.

И, наконец, эпизод, связанный непосредственно со мной.

Конец 70-х годов прошлого столетия. В ту пору я, как уже было упомянуто, продолжал работать в МТЮЗе, был солистом государственного оркестра РСФСР под управлением Л. Утёсова (про Утёсова у меня есть отдельный рассказ, но сейчас речь не о нём). Там я пел свои песни на стихи Л. Филатова. Это нравилось и Утёсову, и, по всей вероятности, С. В., главному автору готовящейся юбилейной программы. Если бы ему не нравилось, он бы не предложил мне того, что предложил.

А сейчас я хочу вернуться на несколько лет назад, считая, разумеется, не с сегодняшнего дня, а с того дня, когда мы встретились в репетиционном зале оркестра Утёсова с Михалковым. Я надолго не задержу ваше внимание, с которым вы нетерпеливо ждёте продолжения рассказа о нашем герое, но это отступление необходимо для того, чтобы его личность раскрылась сейчас перед вами с весьма неожиданной стороны. Во всяком случае, то, что я о нём узнал тогда, было для меня почти потрясением.

Итак, бар «Арбат» на Калининском проспекте (теперь просто Новый Арбат), одно из немногих заведений в Москве, где можно было попробовать зарубежные напитки. В нём сидят и обильно пробуют вышеупомянутое два студента Щукинского театрального училища. Один из них – первокурсник, а второй – третьекурсник и младший сын С. В. Никита, успевший уже сняться в популярном художественном фильме «Я шагаю по Москве». После 3-го курса он покинул Щукинское училище, оказался во ВГИКе и пошёл потом, широко шагая по кинематографической тропе, которая привела его впоследствии на одноимённый широкий проспект. Но тогда он ещё там, в Щукинском, или, как теперь говорят, в Щуке.

Количество выпитого виски неумолимо вело к взаимному расположению и лирическому самочувствию, и неудивительно, что через некоторое время Никита Сергеевич предложил:

– Давай я тебе прочту несколько стихотворений, а ты попробуешь угадать, кто автор.

– А чего пробовать? – самоуверенно заявил я. – Конечно, угадаю!

Моё уверенное нахальство было обусловлено тем, что я действительно хорошо знал русскую поэзию и в школе на уроке литературы как-то раз даже посмел скептически отозваться о

кумире миллионов С. Есенине. Тогда, обратившись к классу и педагогу, я сказал: «Да что вы все по нему, Есенину, с ума сходите? И у него тоже были, между прочим, довольно гадкие строчки». Класс возмущённо загудел, а ученик, неосмотрительно замахнувшийся на «святое», пробившись через шум, продолжил: «Да вам самим-то нравится, например, такое: «…и зверьё, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове». А? Ай да молодец какой! Не бил их по голове, не вешал кошек, не пинал собак! Тоже мне достоинство! А это: «…как жену чужую, обнимал берёзку…» Ничего не чувствуете? Ну, что это пошлость?» Пытливый юноша после урока всё равно не избежал мордобоя со стороны есенинских фанатов-одноклассников.

Словом, про поэзию я знал немало, и когда Никита стал читать, я его снисходительно слушал. Прозвучало первое лирическое стихотворение.

– Ну? – спросил Никита.

– Надсон, – уверенно произнёс я.

– А вот и нет! Слушай дальше!

И он завалил меня россыпью первоклассных стихотворений. Пытаясь отгадать, я перебрал всех – от Жуковского до Блока и, наконец, сдался. Посмеиваясь в тогда ещё несуществующие усы, Никита сказал:

– Это всё мой отец написал!

И вот тут-то меня и настигло потрясение! Как? Автор басни «Заяц во хмелю» и бессмертного произведения для дошкольников, пьесы «Зайка-зазнайка, три поросёнка и серый волк», входящей в репертуар почти всех театров нашей необъятной Родины, и он же – автор таких стихотворений?! Никита, насладившись сполна моим изумлением, предложил выпить за здоровье отца, что мы и сделали…

А теперь пора вернуться к нашему с Сергеем Владимировичем неконструктивному диалогу в репетиционном зале оркестра под управлением Л. Утёсова. Разговор мог бы сложиться иначе, если бы я вовремя припомнил, как его сын наказал меня в баре «Арбат» за самоуверенность и, так сказать, неготовность к сюрпризам… И если бы не молодёжный максимализм и такое же молодёжное и глуповатое, часто демонстративное неуважение к любому авторитету, то тогда, быть может, и возникло бы что-то интересное, удивительное для всех и полезное. Да-да! Именно в сотворчестве с ним, с Сергеем Михалковым!

Он тогда, наверное, посчитал достойным и перспективным вот такой неожиданный альянс.

Синклит патриархов сидел тогда в зрительном зале: и Утёсов,

и Михалков, и кто-то ещё очень маститый. А на сцене шёл прогон программы. В перерыве С. В. подозвал меня к себе. В зале ещё сидел Лёня Филатов, которого я пригласил послушать: ведь я всё-таки пел песни на его стихи, а не просто какие-то песни. Скромно так сзади сидел, далеко от патриархов. С. В. протянул мне несколько листов и сказал:

– Я бы хотел, чтобы в-вы п-п-опробовали сочинить песню, а то и две, н-н-а вот эти стихи…

– А чьё это? – задорно и нахально спросил я.

– Это м-м-ои стихи… – был ответ.

– В-ваши? – удивился солист, невольно передразнив патриарха.

Прошло уже немало лет с того эпизода, когда его сын познакомил меня с лирикой отца, но этот эпизод был, и как же я мог забыть о нём! Не пришлось бы удивляться! А тут! Филатов слышит то, что предложил баснописец и, по прозвищу либеральной молодёжи, – гимнодел, и солисту уже кажется, что друг ухмыляется. Поэтому он берёт листки со стихами у Михалкова, всем своим видом показывая, что делает тому неслыханное одолжение. Ну, мы же не продаёмся властям, лауреатам и всяким там Героям Социалистического Труда! И пусть Филатов видит, что я взял стихи Михалкова только из вежливости. Вот если бы он был Пастернак или, на худой конец, какой-нибудь Багрицкий… А так… Возьму, конечно, но без энтузиазма.

– Я дома прочту, ладно, Сергей Владимирович? – говорю я и прячу листы в сумку.

– А на следующей реп-п-петиции с-с-кажете мне, что вы об этом д-д-думаете, хорошо?

– Конечно. До свидания.

И на следующей репетиции я подхожу к нему с немотивированной критикой одного из его стихотворений. Критикой идиотской, но как могло быть иначе, если в зале опять Леонид Филатов, которому я сейчас покажу, как я смело топчу лауреата. Такая, знаете, хамская рецензия.

С ходу, сразу говорю:

– Сергей Владимирович, помилуйте (хотя, впрочем, слишком старомодно и благородно для хама. Значит, сказал «послушайте»). Что это за строчка такая: «чтобы в поймах заветных гнездиться»?

А там, в стихах или возможной песне, речь шла о том, что перелётные птицы, где бы ни находились, куда бы их ни заносило, – всё равно возвращаются в знакомые, родные места, чтобы позаботиться о потомстве, или, как он написал, «чтобы в

поймах заветных гнездиться».

Хамоватый рецензиант, то есть я, стал придираться к словам классика.

– Мало того, Сергей Владимирович, что слово «поймы» непонятное и, как бы сказать, не песенное, не поющееся…

Он даже не спросил почему. Потому что я не дал и продолжил:

– А «гнездиться», что это? Вообще неудобоваримое слово. Как вы себе представляете, я его буду петь? – И повторил с отвращением: «Гнездиться» – ну надо же…

Он не обиделся. Он как всегда не счёл нужным тратить нервы на такой вздорный и несправедливый наскок. Буквально через три секунды он заменил слово и сказал:

– Может быть, «с-с-селиться» подойдёт?

Мне ничего не оставалось, как сказать: «Ну я попробую», и, несколько пристыженно, отойти.

«Аплодисменты после…» – называется эта книга. Я аплодирую ему, Сергею Владимировичу Михалкову, его благородному спокойствию, которое он ухитрялся сохранять при всех сменах власти и любых режимах, не приспосабливаясь к ним и сохраняя лицо. А также его умению не обижаться на вздорные и глупые нападки современников, не только чтобы не доставить им удовольствие своей обидой, но ещё и тому, что он просто не обращал внимания ни на их укусы, ни на них самих. Я аплодирую его драгоценному свойству жить так, как хочется, в любом возрасте, абсолютно игнорируя цифры. А ещё – не обнажать свою душу перед недостойными, писать что-то такое личное и сокровенное, что обнаруживало истинную, бесценную и необычайно привлекательную суть этого человека. Я аплодирую его уникальному чувству юмора, а ещё его умению несколькими словами сказать ВСЁ.

Это ведь именно он придумал эпитафию к Могиле Неизвестного Солдата: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен». И лучше, и короче сказать нельзя было. И поэтому – долгие аплодисменты после… Браво, Сергей Владимирович!

Леонид Утёсов

Старый мальчик из Одессы

Почему так нахально назвал рассказ о первом лице нашей эстрады в течение нескольких десятков лет? Объясню каждое слово. Во-первых, «старый» – потому что Леонид Осипович Утёсов действительно был стар, когда мне довелось с ним познакомиться. А о том, что нас свело вместе, сказано в предыдущей главе про С. В. Михалкова, так что я на этом останавливаться не буду. Да, он был в ту пору уже довольно стар. Физически стар, подчеркнём особо, но только физически, ибо ребёнок жил в нём до самого конца и проявлял себя постоянно – в детской трогательной наивности, в детских реакциях на происходящее, вполне детской обидчивости и ребяческой гордости за что-то такое, чем гордиться не стоило. Поэтому – «мальчик». В нас ведь, несмотря на любые цифры возраста, продолжают жить одновременно и мальчик (девочка), и юноша (девушка), и мужчина (женщина), и старик (пожилая женщина). Они ведь никуда не деваются, они всё время в нас, они с нами, и это вполне естественно. Так вот, я знал Утёсова вполне сложившимся мальчиком, и это в нём чрезвычайно нравилось.

Ну а что из Одессы – объяснять не надо, и так понятно… Из Одессы потому, что из Одессы, не из Бейрута же, в самом деле!.. Одесса – это своя специфическая республика, это целый мир, разбросанный по всему миру, по всем уголкам земного шара. А ещё, конечно, знаменитые и не очень люди, узнать которых при первых же звуках голоса элементарно. Там даже евреи – не евреи, а одесситы. Если побудешь там пару недель и вернешься в Москву – с удивлением обнаружишь, что разговариваешь с одесским акцентом. И потребуется время, чтобы твоя речь вновь стала прежней. А ещё невообразимая по числу персонажей компания, выросшая в одном гнезде, – компания поэтов, музыкантов, писателей-юмористов и просто писателей. В одном месте – такой мощный концентрат! И среди них в числе первых – Л. О. Утёсов с девичьей фамилией – Вайсбейн, что в переводе, кажется, «белая кость», и не Леонид вовсе, а Лёдя, как звали его близкие и даже не очень близкие люди. Уникальный артист, которого, будем надеяться, нескоро забудут. Забудут обязательно, у нас такая уж держава, в ней многие из молодых ребят сегодня не знают даже, кто такие, к примеру, Л. Филатов или О. Даль, но все же историю своей культуры и тех людей, которые эту историю делали, – не худо бы помнить. Так, для общего развития, а вдруг пригодится, чем чёрт не шутит!.. Утёсов заслужил долголетнюю память, а не только памятник на своей исторической родине – в городе

Одессе. Ну а мой скромный вклад в его жизнь после – вот этот небольшой рассказ о нём.

У каждого из нас есть забавная возможность взглянуть на свою жизнь под другим ракурсом, как бы со стороны. И тогда понять – как тесен наш мир и как всё и все рядом. Кто-то обратил внимание на то, что любой человек находится в одном, двух, трех рукопожатиях от известной исторической личности, с которой ему хотелось бы познакомиться, увидеть, да время развело и сделало это невозможным. Но как подумаешь об этих самых рукопожатиях, сразу видишь, насколько всё относительно. Вот представьте: Утёсов рассказывает мне о том, как в 1926 году, когда он со своим оркестром был на гастролях в Париже, к нему за кулисы пришёл познакомиться и поприветствовать – кто бы вы думали?.. – батька Махно![1] И что же в таком случае получается? Утёсов при встрече обменялся рукопожатием с батькой Махно, а потом спустя годы – со мной. Значит, я просто в одном шаге от батьки Махно… А если ещё учесть, что тот, как говорят, встречался с Лениным и Сталиным, то выходит, что я и от них буквально в двух шагах или рукопожатиях… А тогда, когда Утёсов мне рассказал про Махно, я был просто ошеломлён. Ведь батька Махно, о котором мы узнали в школе на уроках истории, казался такой архаичной фигурой, персонажем из учебника! А оказался – вот! Почти рядом…

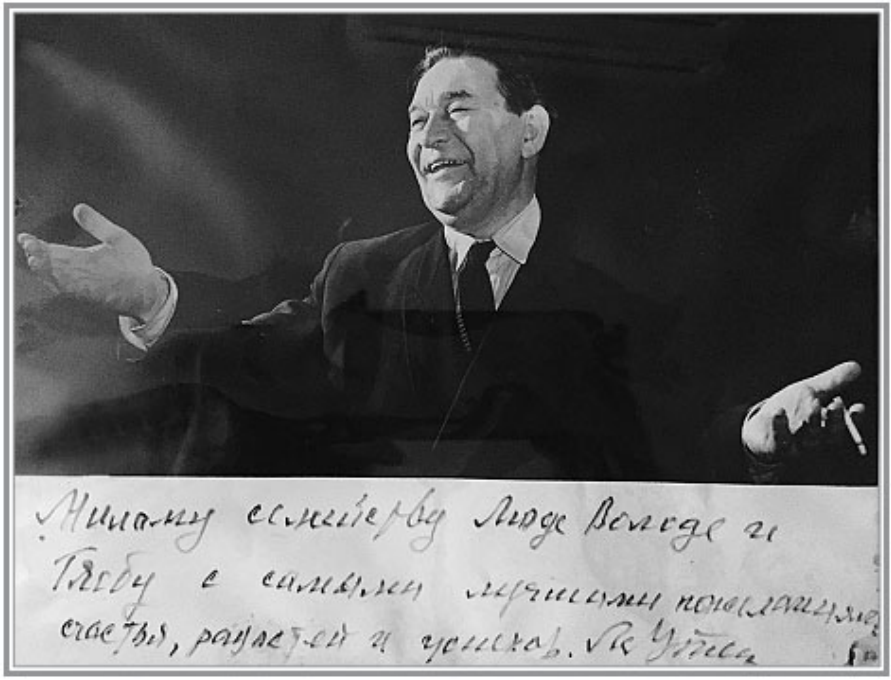
– Пойдём к нему в гости, – сказала мне одна милейшая женщина, красавица и вполне порядочный человек, – пойдем, он же звал! Пойдём, а то не успеем…

– Чего не успеем?

– Ну… того, того самого. Будешь всё откладывать, переносить, а он вдруг возьмёт и умрет…

– Да бог с тобой, ты что!..

– Да-да. А потом будешь локти себе кусать! Ведь он – это история! Такая редкость, такой шанс!.. Пошли!..



На подаренном Л. Утёсовым фото надпись: «Милому семейству Володе, Люде и Глебу с самыми лучшими пожеланиями счастья, радости и успеха». Глеб – это наш сын, которого Утёсов никогда не видел, ибо он в момент подписания фотографии был совсем крохотным. Но на вырост, как аванс от великого артиста – это очень почётно. Однако потом, когда Глеб вырос, стало ясно, что автограф Утёсова для него не столь важен и почётен, как был бы, предположим, автограф Ф. Меркьюри

И мы пошли к нему в гости. Купили коньяк и торт. Он принял наше не совсем шикарное подношение так, как контролёр кинотеатра взял бы в руки у входящих билеты, автоматически оторвал корешки и бросил в корзину. Как что-то само собой разумеющееся, протокольное, формальное, без всяких там «спасибо», «ах, зачем вы» и «ну ладно, если уж принесли…». И, видно, поэтому сразу куда-то убрал. Дары посетителей мгновенно исчезли со стола, пресекая на корню робкое намерение попить чаю вместе с культовой фигурой XX столетия. Л.О. даром время не терял: с чего это ему надо было ещё угощать не шибко важных персон. Поэтому – получите, гости дорогие, необходимую порцию сугубо гуманитарного и отчасти музейного угощения и, как он пел в одной из своих песен: «Прощай, любимый город!» Что обещал своему солисту, то и выполнил… Но, кажется, он относился ко мне несколько теплее, чем к другим соискателям его внимания, потому что показал не только небольшую

коллекцию картин и рисунков (подлинников, разумеется) знаменитых художников, но и всякие редкие предметы. В одной его квартире был вот такой своего рода личный музей, а в другой, напротив, на той же лестничной площадке – непосредственно квартира, в которой он жил. Эксклюзивное, так сказать, расположение к себе я ощутил, когда он отошёл в соседнюю комнату своего музея и принёс оттуда несколько больших тяжеловесных альбомов. Он разложил их на столе и подозвал нас поближе, с таинственным видом и загадочной полуулыбкой. А дальше начался сеанс какой-то странной, почти инфернальной игры. Он стал показывать в альбомах все составы своего оркестра разных лет, начиная с самого первого. Там были и общие фотографии – всего оркестра, и личные, каждого музыканта отдельно. Закрывая первый альбом, он сказал очень спокойно: «Они все уже умерли. Никого не осталось». Пришла очередь второго альбома. Композиция та же. Он объясняет, всех помнит, рассказывает что-то интересное про каждого из музыкантов.

– А вот этот, – спрашиваю, – где он теперь работает?

– Нет-нет, – отвечает, – эти все тоже умерли… К сожалению, – добавляет он, но никакого сожаления в его неповторимом, с хрипотцой голосе – нет. А есть другое: внутреннее, скрытое торжество, почти совсем незаметное – всех уже нет в живых! Всех! А я жив! Жив, понятно?! И почти не жалуюсь на здоровье!

Потом мы ушли и по дороге долго молчали. Что я разглядел тогда за простым рассматриванием фото альбомов? Передо мной проплывали призраки давно умерших музыкантов, а рядом стоял во плоти и ясном сознании их руководитель, переживший всех. И только потому, что любил жизнь больше их всех, любил себя в этой жизни, а она любила его, и он, судя по всему, ни о чём не жалел!

Он знал себе цену! Он знал, кем был для всего народа. Это была не субъективная оценка, не завышенная, а справедливая и верная.

Поэтому, когда Леониду Осиповичу исполнилось 85 лет, ему пришлось испытать горькое и вместе с тем вполне детское разочарование.

Мы, то есть Константин Певзнер, ведущий концерта Вацлав Скраубе и я, пришли в тот день к нему домой в Каретный ряд с поздравлениями. Пришли утром, так как предполагали, что потом к нему будет не пробиться. Он встретил нас в тапках и… слезах. Помните классический пример графоманства: «Шёл дождь и два студента»? Так вот, я решил выступить сейчас в том же жанре и даже с удовольствием повторю эту фразу, которая мне самому очень нравится. «Он встретил нас в слезах и тапках». О

слезах – чуть позже, а вот тапки на нём при наличии верхней, совсем не домашней, одежды объяснялись тем, что он рано-рано утром, ещё перед нашим приходом, тихо встал и бесшумно вышел из дома с целью купить газеты. Вы можете спросить – а почему это ему так не терпелось? А потому, что в то утро он, оказывается, ждал, что сегодня получит вожделенную награду, о которой давно мечтал, – звезду Героя Социалистического Труда. И отчего он так жаждал получить именно это, то, что в народе прозвали «Гертрудой» – одному Богу известно, но факт тот, что жаждал, да ещё так, что рано-рано отправился к газетному киоску, чтобы насладиться своим триумфом в виде полного признания государства… Ему насладиться не дали. Там же, у киоска, он жадно развернул газету и, естественно, на первой полосе (а где же ещё!) увидел и поздравление, и чем его наградили. И – о, ужас! – это была вовсе не ожидаемая «Гертруда», а какой-то, ему неизвестный, орден Октябрьской Революции. Он подумал, что это какая-то ошибка, что такого не может быть, и купил другую газету. Там было то же самое. Он пошёл через Петровку к другому киоску напротив, и там подтвердилась беспощадная правда – «героя» ему не дали. Ещё обиднее было то, что о нём напечатали не отдельно, не выделяя его никак, а в списке, в котором «Гертруду» получил какой-то шахтёр и какая-то ткачиха, а он, извольте видеть, недавно учреждённый орден Октябрьской Революции!.. Ну вот, как мальчишка, который с замиранием сердца ждёт ко дню рождения новый айфон, надеется, а в этот день родители с улыбкой дарят ему какую-то дурацкую рубашку и коробку конфет! Обидно же! До слёз!

Теперь мы и добрались до слёз Утёсова, разобравшись с тапками. Он плакал, словно тот обиженный мальчик, не получивший лелеемую мечту. Провожая нас в комнату, он всхлипывал и говорил: «Я, значит, не заслужил!.. Не заработал, значит, на старости лет!.. Ведь всю жизнь, всю жизнь работал, пел, а они…»

Тут Певзнер прервал его уже подступающие рыдания.

Певзнер в это время – музыкальный руководитель и дирижёр утёсовского оркестра. Раньше он возглавлял грузинский государственный оркестр «Рэро», а Утёсов его пригласил к себе, и Котик (так его звали друзья) рискнул. Он был феноменальным тамадой, блестящим музыкантом (помните его песенку «Оранжевое небо»?) и, что немаловажно для нашего случая, – очень остроумным человеком. Сам Арканов мог бы подтвердить, они дружили, но теперь они оба там, откуда ничего подтвердить нельзя.

Однако я отвлёкся, но Певзнер, поверьте, того стоит. Итак, он остановил сетования Утёсова возмущённым монологом со своим неповторимым грузинским акцентом:

– Послушайте, Леонид Осипович, что вы тут горюете из-за такого пустяка! Вам, между прочим, гордиться надо, что такой орден получили, а вы как ребёнок, ей-богу!

Утёсов перестаёт плакать и начинает с интересом прислушиваться.

– Гордиться надо! – с яростным упрёком повторяет Певзнер. – Ну, сами посудите, эту «Гертруду» несчастную получают рядовые труженики какие-то! Ткачихи там, рабочие, а вы что, в одном ряду с ними хотите?! Ничего против них не скажу, но – чёрт побери! – надо же себя ценить правильно! Утёсов, которого знает каждая, понимаете, собака в этой стране, – и, понимаете, какой-нибудь Сидоров, который, понимаете, план перевыполнил!.. Ну?! А вы сами подумайте… – Тут Певзнер вешает интригующую паузу и, сделав шаг к Утёсову и глядя на него в упор, продолжает: – Вы – ВТОРЫМ! – в стране получаете новый орден Великой! Октябрьской!! – С каждым словом пафос Певзнера возрастает. – Социалистической!!! Революции!!!! И ещё жалуетесь!

И тут у Утёсова совершенно высыхают глаза, и он ревниво спрашивает:

– А кто первым?!

Певзнер совершенно спокойно куда-то в сторону роняет: «А первым – крейсер „Аврора“…», чем окончательно восстанавливает попранную гордость великого артиста.

А в том, какой это артист и каков его диапазон, я сумел убедиться в течение репетиционного периода. Он, как правило, сидел в зале, и в паузах все старались с ним пообщаться. На что Утёсов способен как артист, он демонстрировал, рассказывая многочисленные истории из своей богатой событиями жизни. Стайка молодых артистов, собравшихся вокруг него, покатывалась со смеху, ведь он ещё и в лицах показывал.

А мне достаточно было услышать в его исполнении один анекдот. Но шесть раз, в разные дни!.. Люди менялись, для них анекдот был свежим, а я все шесть раз оказывался рядом. И мне не то что не было скучно, напротив, я готов был послушать ещё десяток раз. И знаете, почему? Он ни разу не повторился! В том анекдоте фигурировали три человека – он, она и её ребёнок. Дело было на перроне вокзала. Женщина подходила к одинокому мужчине, держа за руку своего ребёнка, и спрашивала – не знает ли он, когда отходит поезд на Жмеринку? Дико заикаясь, мужчина отвечал. Через несколько минут она подходила вновь и повторяла вопрос. Мужчина, пока ещё сдержанно и вежливо, но

отвечал. Затем – в третий раз. Мужчина, уже начиная злиться, отчего его заикание становилось всё сильнее, но тем не менее терпеливо повторял. И когда она подошла в пятый или шестой раз (в зависимости от настроения Утёсова), то мужчина, уже озверев окончательно, спросил её, мол, зачем она издевается над ним и почему столько раз спрашивает? И тут она смущённо ответила: «Вы извините меня, пожалуйста, но дело в том, что моему сыну очень нравится, как вы разговариваете!..»

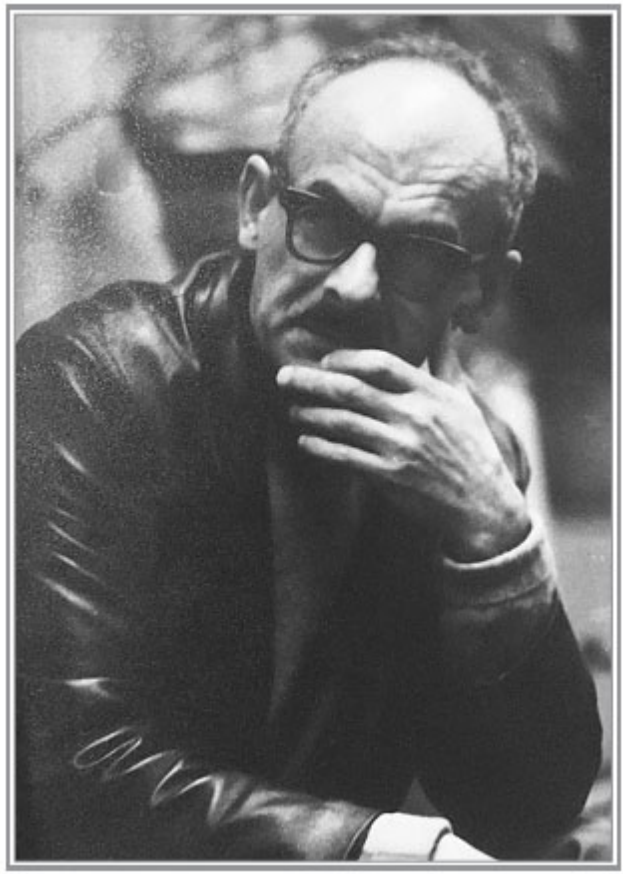
Утёсов изображал эту женщину то русской теткой, грызущей семечки и шелухой попадающей в ребёнка, то украинкой, грубоватой и базарной бабой, а чаще всего этакой местечковой еврейкой, но всякий раз (!) с другим акцентом. Тут он сбрасывал маску русского свинопаса из «Весёлых ребят» (или он пас коров… ну, не важно – пастух и точка!) и превращался в себя, в родного одессита со своим непобедимым акцентом. Но ещё больше он оттягивался на несчастном заике. Поэтому этот анекдот, который я пересказал на половине страницы, он разыгрывал подчас минут десять. И это было подлинным наслаждением! Настоящий мастер-класс!

Он написал мне на афише: «Володя, я успел вас полюбить». «Успел»… Так мог написать только очень талантливый человек. Я тоже успел, Леонид Осипович, потому что мне повезло повстречаться с вами в том году, в том веке, в ту эпоху и в то время, которое дало мне возможность увидеть вас и тоже полюбить…

Булат Окуджава

Ангел Безбожного переулка

Он с гитарой уже по всем домам нашатался, наездился и навыступался, и сейчас в гостях редко откликался на просьбу, или даже не просьбу, а молчаливую мольбу присутствующих взять заранее припасённую хозяевами гитару и что-нибудь исполнить. Сейчас он всё больше слушал и всё больше посвящал себя прозе. В той бардовской области, в области гитары он уже сделал так много, что стал непререкаемым авторитетом и даже кумиром у той более-менее образованной части населения, которая что-то читала и, даже страшно сказать, думала и чувствовала. И если бы можно было разделить песни, весьма условно, конечно, на те, под которые можно танцевать, и те, под которые как-то неловко и даже глупо, которые предпочтительно только слушать, то ясно, что Окуджава сочинял песни второй категории. И если ещё разделить пение на осмысленное и бессмысленное, то он всегда был образцом пения осмысленного, что, как ни странно, не помешало ему стать суперпопулярным. Впрочем, не знаю, состоялась бы такая популярность сегодня, когда невежество наступает на всех фронтах, кроме балета. Сегодня он бы многим показался попросту скучным: действия ведь нет, динамики никакой – тоска, словом… Неподражаемый стиль, особую интонацию может оценить только та часть населения, которой от песен нужна определённая гуманитарная доза чувства и ума.



Однажды в мятежной юности я по причине гололёда упал и сломал ногу. Несколько раз выступал сидя и в гипсе. На обороте этой фотографии Булат Шалвович написал: «Берегите ноги. Помните, что запчастей для нас нет». Написав «для нас», он тем самым приобщил меня к своему кругу поэтов, бардов, единомышленников. Избранному кругу, что было для меня чрезвычайно лестно

Таких людей можно считать что мало, но всё же не так уж и мало. Вечер памяти Окуджавы, к примеру, в Концертном зале Чайковского собрал полный аншлаг, полторы тысячи. Конечно, у поп-певицы или рэпера гораздо больше, но когда было по-другому? Массовая культура на то и массовая, чтобы лидировать по сборам. Остальным, то есть меньшей части населения, личная, даже интимная интонация песен Окуджавы необходима как свежий воздух, как родниковая вода. И чем более она не декларативная, не крикливая, не яркая, а именно личная – тем больше она трогает и задевает каждого из упомянутой меньшей части населения. А их всё-таки достаточно, чтобы потребность в

таких песнях жила: страна-то большая!

У него даже гитара имела свой, им придуманный строй – не шестиструнный, не семи-, а какой-то именно его, ему подходящий. И эта концертная поза – нога на стуле, гитара – на ноге – ну неудобно же! Ан нет! Ему удобно! Это другим может быть неудобно, а ему удобно…

И, конечно, такая манера пения совершенно неподражаема. Да просто невозможно повторить! Вспо мните, подражатели были почти у всех наиболее заметных, особенно у Высоцкого, но и у Визбора, и у Цоя и др. А вот перенять его манеру, образ не смог никто, и эта интонационная ниша так и осталась незанятой. Ну можно было пошутить в пародиях на него, но не более.

Вот так Л. Филатов, блистательно писавший пародии на наших поэтов, однажды не смог пройти и мимо Булата Шалвовича. Он посмеялся именно над интимностью его лирики, доведя её в пародии до какой-то смешной местечковости. У него был цикл пародий на тему «Муха-цокотуха». И вот он описал историю взаимоотношений мухи, комара и паука со всеми этими окуджавскими «Ах» и «Ох» или «О» почти в каждой строке, а закончил так: «Было это в Питере, в доме на Фонтанке, в щёлке под обоями, много лет назад».

Я тоже однажды выступил с пародией на Окуджаву. Дело было в Доме актёра на большом концертном вечере с последующим банкетом. Я уже часто и повсюду показывал свою актёрскую пародию на любимого поэта и шансонье. Все говорили, что очень похоже. Потом за столом мы оказались рядом. Окуджава минут через десять застолья повернулся ко мне и почти серьёзно сказал: «Слушайте, я никогда не подозревал, что пою таким противным голосом…» Так мы познакомились… А потом уже были «Кавалергарды» и проч.

Текст моей пародии тоже был вполне специфичен. Пародию на него и ещё на несколько знаменитых людей я сочинил на тему «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять», но там фигурировал ещё и волк и его своеобычное отношение к зайцу – не как к еде, а как к товарищу. Позволю себе привести этот текст полностью, но лишь потому, что он по-настоящему понравился Булату Шалвовичу и он потом попросил меня его прислать… Но об этом чуть позже…

Всё было на мотив его знаменитой песни «Виноградную косточку в тёплую землю зарою…». Поэтому текст пародии так и начинался:

Непременно я заячью косточку в землю зарою,
Чтобы выросли зайцы весной, как горох и морковь,

Чтобы зайцы взошли, как восходит луна над землёю,
Чтоб исчезли охотники, но чтоб осталась любовь.
В светло-сером своём будет заяц гулять по поляне,
В тёмно-сером своём к нему волк подойдёт наяву.
И смутится зайчишка, но волк ему лапу протянет,
А иначе зачем на земле этой грешной живу…

А его «Виноградную косточку» знали к этому времени если не все, то многие, поэтому и пародию надо было сочинять на что-то популярное, узнаваемое. Окуджавская популярность, в основном, как и у Высоцкого, была магнитофонной и никак не влияла на мнение госчиновников по поводу того, какие пластинки выпускать, а какие – нет; что должно широкоформатно звучать по радио и показываться по телевизору, а что – нет. Поэтому большой полноценной виниловой пластинки у Окуджавы не было. Государство, впрочем, позволяло что-то выпустить в народ, но в гомеопатических дозах, ну там, песни из фильма «Вертикаль» Высоцкого, на гибкой пластинке журнала «Кругозор», а вот книга – ни-ни! Ни в коем случае! Окуджаве пластинку? Ага! Щас! Потерпит! Словом, нет пророка в своём отечестве… до тех пор, пока заграница не подскажет… Вот так и получилось с первым аудиогигантом Б. Окуджавы. Его красиво и убедительно издали в городе Париже.

А дальше его рассказ персонально мне, и по этой причине я имею право им сейчас воспользоваться. Он рассказывал эту трагикомичную историю с большой дозой иронии по отношению к себе и дурацким обстоятельствам, в которых оказался благодаря всё тем же нашим чиновникам.

Это была какая-то писательская поездка с жёстко ограниченной визой, которая истекала буквально через день после того, как советский шансонье вдруг получил гонорар за свою пластинку. Немыслимая для советского поэта сумма, которую необходимо было как-то потратить до завтрашнего отъезда, вероятно, ещё и для того, чтобы не отдавать почти всё государству, как у нас тогда и было принято. И он пошёл тратить… Окуджава, смеясь, рассказывал, как он, чувствуя себя богачом и транжирой, зашёл в ближайший супермаркет и начал там скупать всё. Булат Шалвович говорил, что такого количества бессмысленных пустяков, которые потом оказались в его чемодане, он сроду не видел. Хватал с полок первые попавшиеся тряпки и бытовые аксессуары, бросал в тележку и, наконец, довольный, что так смог всё потратить и не забыть про сувениры, подошёл к кассе и удовлетворённо расплатился…

А утром, когда уже надо было выезжать из гостиницы, позвонили из посольства и сообщили, что ему продлили визу ещё на две недели… Да-а! Какой нелепый облом! Как же можно было бы не спеша и с толком потратить эти деньги! Но он рассказывал всё это без всякой досады или даже сожаления, как простой, но яркий штрих к портрету советского гражданина за границей, к нашему смешному менталитету…

А теперь вернёмся к письму, которое Булат Шалвович попросил ему прислать. Жил он, как известно, в Безбожном переулке (теперь, быть может, название поменяли, но в то время этот всхлип простодушного атеизма существовал точно). И вот он попросил меня совершить на конверте ошибку и вместо «Безбожного» написать «Божественный переулок».

– Интересно, – говорит, – дойдёт или нет?

Я так и сделал. Может, работники почты обладали достаточным чувством юмора и знали Окуджаву, но, так или иначе, письмо с «неправильным» адресом дошло до известного адресата. И наверное, в этом есть самая высокая справедливость, что оно не просто дошло, а дошло именно ПО НАЗНАЧЕНИЮ…

Любовь Полищук

Любовь

Вот такое название для рассказа о Любе Полищук. Просто «Любовь», и всё. Мало того, что это её имя, главное, что любовь – её кредо, смысл жизни, цель жизни и вообще – самое главное. Всё должно быть только ради любви, остальное не стоит внимания, – считала она.

Этот заскорузлый штамп: дескать, «улыбка в тридцать два зуба», как говорят о радостной, праздничной, располагающей улыбке, – неверен по определению. Я встречал людей, у которых такая «улыбка» была страшной. Тут, наверное, дело не в количестве зубов, а в количестве обаяния. Настолько обаятельной и заразительной улыбки, такого смеха, как у Любы, не было ни у кого.

Один раз она меня подвезла с «Мосфильма» на своей первой, только что купленной машине. Это был тот ещё цирк. Наверное, в это время у Любы ещё не сложились отношения с педалями сцепления и газа, поэтому машина двигалась рывками. На оживлённой трассе конвульсии Любиной машины приводили в бешенство всех водителей слева и справа: мало того, что женщина за рулём, так, наверное, ещё и права купила. Они все орали, матерились, а потом им удавалось разглядеть – кто за рулем. И настроение мужчин, мастеров вождения, мгновенно менялось. Люба понимала, что она на дороге новичок и не совсем права, но… Она улыбалась. И мужики, только что крутившие пальцем у виска и оравшие, вдруг откидывались на сиденьях, таяли, расслаблялись и тоже начинали улыбаться. Потому что есть улыбки, на которые нельзя не ответить. Меня истерика машины, которую Люба всю дорогу насиловала, не пугала, а только смешила. Я знал, что всё будет хорошо, что мы финишируем без потерь.

Любка-улыбка, хочется отозваться о ней, но самое время отметить, что улыбка – лишь составная часть её несокрушимого обаяния и привлекательности. Эту улыбку, знаете, нужно уметь подать, и именно в тот момент, когда она попадёт в цель и станет неотразимой… Задачу облегчает то, что Люба – настоящая красавица. Причём красавица итальянского типа. Её рост, стать и привлекательное смуглое лицо – далёкий привет от Софи Лорен или Джины Лоллобриджиды.

И тем удивительнее, что красавица Люба умеет кривляться так, что любой эстрадный кривляка или экранный комик кажутся обычными балаганными шутами на ярмарке провинциального города в Древней Руси. И ты забываешь в этот момент, что она

красавица, настолько она убедительна и органична в своём комизме. Клоунесса с большим талантом. Мир не так уж богат выдающимися клоунами и клоунессами. Мы можем навскидку вспомнить Барбру Стрейзанд, или Лайзу Миннелли, или Джульетту Мазину, а у нас, допустим, Лию Ахеджакову или Инну Ульянову, Фаину Раневскую. Однако при всём уважении и даже восхищении ими – красавицами их назвать нельзя. А Люба – красавица, которая, ко всему, умеет и любит хохмить и кривляться. Итальянская красотка, обладающая замечательным и качественным чувством юмора, – это, как говорится, не просто страшная сила, а оружие массового поражения.

Мне известен только один пример такого же сочетания, как и у Любы, когда я увидел тоже безусловную, известную на всю страну, даже эталонную красавицу с таким чувством юмора, что это поражало. Поражало именно потому, что она – красавица, на которую прямо-таки молились несколько поколений мужчин. Это Анастасия Вертинская.

Люба Полищук повсюду хороша. Бывают люди (особенно это касается женщин), которых очень любит камера. Они и в жизни далеко не страшны, но в кадре и на фотографиях – особенно привлекательны. Но Люба, ко всему, очень любила гримасничать и прикалываться. В редчайших случаях она бывала на фото серьёзной.

Это фрагмент спектакля «А чой-то ты во фраке» в «Школе современной пьесы», точнее, кадр из так называемого балета в

конце первого действия. Именно здесь Люба добросовестно вставала на пуанты, хотя её никто не заставлял это делать

Как-то раз мы ехали вместе на концерт в Белоруссию. Поезд, купе и тёплая компания из трёх человек: Б. Хмельницкий, А. Вертинская и я. Мы ужинали, выпивали, болтали, и разговор каким-то образом вырулил на МХАТ, в котором Настя тогда работала. И она стала нам с Борисом показывать почти всю труппу театра – от Ефремова до Смоктуновского. Это был такой, доложу я вам, дивертисмент, такое шоу, что мы были просто ошеломлены и хохотали, как дети в цирке. Это был абсолютно точный показ, с невероятной похожестью на изображаемых персонажей. Но настоящий класс проявлялся в том, что Настя извлекала наружу такое, что они сами хотели бы скрыть, а она угадала и показала. Так точно, умно и беспощадно, как никогда, вероятно, не смогла бы её красавица Ассоль из фильма «Алые паруса».

Вот и Люба такая. Всего двое, представляете! Один эпизод танца с А. Мироновым – и влюблённость всей страны! С каменным, то есть неподвижным, лицом она изобразила эту клоунскую буффонаду, не позволив ни разу себе что-то в лице прибавить – и довольно! Покорила всех! А этот изумительный талант Насти Вертинской, который обнаруживал в ней такие ресурсы, такой потенциал, что потом возникал горький вопрос: почему это никак и нигде не использовалось? И у Любы – одна, всего лишь одна главная роль в кино! В то время как на неё персонально надо было писать сценарии! Если бы, предположим, эти две клоунессы-красавицы, проявив себя хотя бы на 50 процентов, сыграли в каком-нибудь толковом фильме, в какой-нибудь трагикомедии (жанр, который особенно ценила Люба), можно себе представить, какой продукт мы бы тогда получили! Но нет! Мы ленивы и равнодушны!

Существует история про большого русского артиста А. Кторова. После премьеры фильма Бондарчука «Война и мир» группа в неполном составе, сопровождаемая, как всегда, соответствующим офицером, прибыла в Голливуд. Фильм прошёл если и не триумфально, то очень успешно. Кто-то из видных американских продюсеров с живейшим любопытством стал расспрашивать руководителя советской группы, то есть того самого офицера, которого он, естественно, воспринимал как светоча русской культуры, про артиста, сыгравшего в фильме старого графа Болконского. Превосходно, отменно сыгравшего, даже прожившего эту роль. Офицер обрадовался тому, что ответить, не посрамив русскую культуру, – может.

– Это народный артист Кторов, – с удовольствием ответил он продюсеру, радуясь тому, что американцу не придётся объяснять, что такое «народный артист», ибо того интересовал исключительно Кторов.

– А где еще, в каких фильмах участвовал этот артист? – поинтересовался любознательный деятель американской культуры. – Он ведь у вас наверняка суперзвезда, – наивно предположил он.

Офицер смутился. Он, конечно, разбирался в кинематографе, но так глубоко вникать в него до этого момента не было необходимости. Да и в школе КГБ такого предмета не было, разве что – факультатив. Он стал напряжённо перебирать в памяти свои скудные сведения о Кторове, но ничего путного там не нашёл, кроме немого кино «Закройщик из Торжка». Но что делать, хоть так… И он «хоть так» и ответил американцу. Тот с такой задумчивой иронией посмотрел на майора и сказал:

– Да-а, вы, видно, всё-таки очень богатая страна, если можете себе позволить не использовать такого артиста, не снимать его…

В такой же мере это и к Любе Полищук относится. Наверное, там у них превращать в деньги мощный талант, да и вообще понимать, что талант – это деньги, потенциальная прибыль, – это само по себе тоже талант, но талант и интуиция уже продюсера. А у нас что? У нас талантов – как грязи! Не зря же в нашей Родине бытует поговорка, гласящая: «Незаменимых у нас нет». И Кторов, и Люба могли бы, конечно, украсить собой наш кинематограф, но просвистело мимо, и вышло так, что украсили, но минимально. А по-настоящему незаменимых у нас предостаточно, жаль только, что прижизненно их так не воспринимает почти никто. Только потом, в некрологах, панихидных речах и тостах. А чуть позже – вообще забывают. Жизнь кипит, и всё некогда.

Да и мне, пожалуй, пора… Пора прекратить назидательную часть моего рассказа о Любе Полищук, с бессмысленным упрёком неизвестно кому, что она не сыграла и трети того, что могла бы. Только вот подытожу эту часть цитатой из произведения отличного писателя, Ю. Нагибина, в которой каждое слово верно, справедливо и, похоже, актуально для нашей жизни во все века: «О, сколько слепоты, глухоты, необъяснимой тупости, ослиного упрямства и непросвещённости несёт в себе слово „современник“!»

И добавлю: не только в нашей стране. Но в нашей – равнодушия больше. Или нам так кажется, потому что мы здесь живём.

А ведь она, Люба, в числе других честных и неленивых артистов делает всё, чтобы не огорчить своего зрителя, свою

публику. Помните, как Люба превозносила любовь как смысл жизни и спасительный щит от равнодушия и злобы. Для чего она хотела работать с полной отдачей и быть суперпрофессиональной? Да-да, именно для того, чтобы любила свою жизнь и свою работу не только она, но чтобы любили и её. Она совершенно справедливо хотела взаимности, и как славно, что она всё-таки этого добилась. А в чём честность и даже жертвенность у неё в отношении работы? Ну, например, в спектакле «А чой-то ты во фраке?» она ведь в танцевальном фрагменте спокойно могла бы обойтись без того, чтобы вставать на пуанты. Это с её-то ростом и весом! Но нет же! Там ведь имелся подзаголовок «Опера и балет для драматических артистов». Вот она и училась добросовестно – осваивать оперное звукоизвлечение и исполнять балетную свою партию на пуантах. В меру своих возможностей, разумеется, но ведь делала! Да никто бы в зале и внимания не обратил – на пуантах она или в тапках, – ан нет! Всё без всяких поблажек себе! Нагрузка на позвоночник – страшная, потом это в числе прочих факторов аукнулось в виде непоправимой болезни, но… «Пощади себя, Люба, ляг в клинику, подлечи спину» – такие призывы не для неё! Всю себя – в жертву! В жертву искусству, публике, своим зрителям! Никакой халтуры! Ну и в конечном счёте жертва состоялась, была принята… Лежала в гримёрной на жёсткой скамье между своими эпизодами и в антракте, потом вскакивала и влетала на сцену со своей обворожительной улыбкой. А было-то, между прочим, не только опасно, но и адски больно! А на сцене в том же спектакле, в дуэте с папой, вдруг очаровательная оговорка (но не поручусь, что она не выдумала её заранее). Там речь идёт о спорной территории, о Воловьих Лужках, и она должна была спеть «Владели клином триста лет, и вот, извольте, – клина нет». Вместо этого звучит: «Владели Крымом триста лет, и вдруг, извольте, – Крыма нет», – это звучит во время всем известных событий в Крыму. Зал лежит от хохота, партнёр не может продолжить, а у Любы, как ни в чём не бывало, – серьёзное и возмущённое выражение лица, она в образе, она сейчас воюет за аннексированную территорию – Воловьи Лужки.

Идёт ТВ-программа «Смак». Всё стряпает её муж, художник Сергей Цигаль. Режет там чего-то, строгает морковку. Люба стоит рядом и временами даёт ценные указания. Когда чувствует возрастающее вокруг недоумение – включает свою фирменную улыбку, и всё, достаточно! Она знает, что без этой приправы к готовящемуся блюду – блюдо не состоится. Конечно же потому, что эта кулинария должна тоже окрашиваться любовью – ну куда ж без неё! Любовью Полищук и любовью как таковой! И

получается невероятно смешно и обаятельно! Как и всё другое.

Ну, вроде бы должно быть неловко, что ей некогда сходить и купить сапоги, потому что съёмки в разгаре, и она посылает Сергея совершить этот гуманный акт, что вполне возможно, так как у Сергея и Любы один размер – 42-й. И Сергей сидит в магазине женской обуви и, чертыхаясь, меряет сапоги. Продавщицы прячут улыбки и, еле сдерживаясь, дают советы. Ситуация двусмысленная: бородатого, вполне определённого мужика Сережу на первых порах принимают за гея, но дальше следует объяснение, что у жены тот же размер. «Жену зовут Василий», – шутит Серёжа, но сразу понимает, что шутка не прокатила и его вполне серьёзно принимают за представителя нетрадиционной сексуальной ориентации, и тогда он раскалывается и признаётся, что жена его – Люба Полищук и сапоги для неё. И моментально всё вокруг расцветает, лица продавщиц светлеют, а их улыбки становятся всё лучезарнее. А всё потому, что уже само её имя, даже не присутствие, а только имя – вызывает хорошее настроение, даже радость.

И вот, когда покидает Землю такой, конечно же незаменимый человек, в мире определённо становится чуть меньше любви и света, чем было раньше. И никак невозможно забыть её, ту, при одном взгляде на которую поднималось настроение и хотелось праздника. Да и стоит ли… Забывать…

Эльдар Рязанов

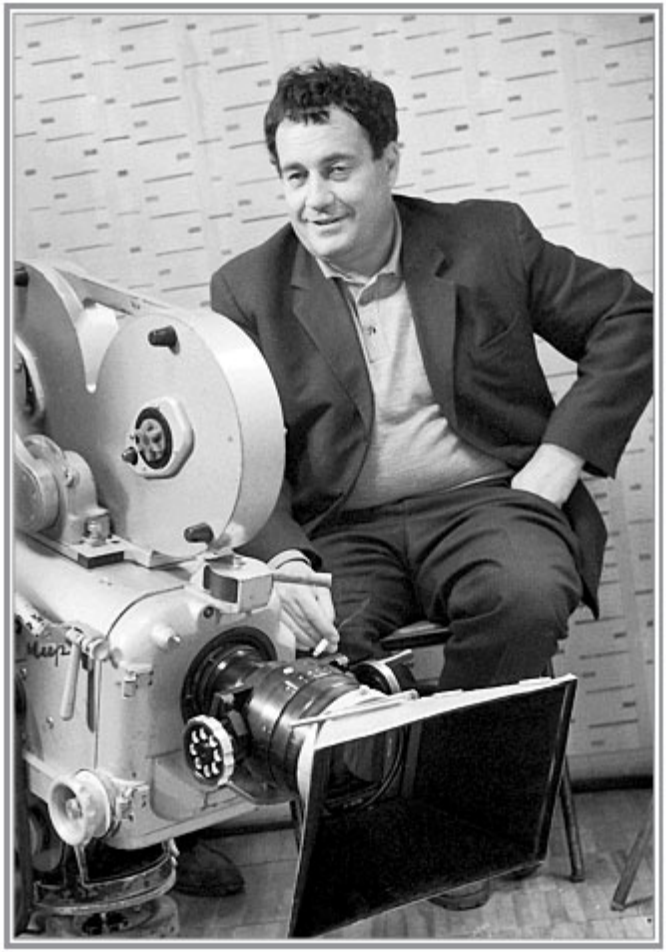
Большой Эльдар

Он – не просто большой, он – великан! И, разумеется, речь идёт вовсе не о физических параметрах. «Большое видится на расстоянии», – сказал поэт, и когда оказалось, что Рязанов не здесь, не рядом, а где-то далеко, в иных мирах, наступило время переоценки. Причём не в силу необходимости, а как-то само собой, естественно и органично. Ты вдруг начинаешь осознавать, с кем вот так запросто общался, какого масштаба этот человек!

Это что же такое надо было сотворить, чтобы его фильмы обрели такую жизнеспособность, такую счастливую жизнь, такую всенародную любовь! Ну ладно веселье «Карнавальной ночи», актуальность темы «Гаража», торжество справедливости в «Старых клячах» – всё это хорошо, даже превосходно, но чтобы без «Иронии судьбы» под Новый год каждая семья чувствовала бы себя осиротевшей, словно без шампанского и даже без ёлки – это уметь надо! Всё дело, вероятно, не только в мастерстве режиссёра, но и в его личной доброте и в неистребимой в нашем народе вере в сказку.

Так что он, бесспорно, гигантская фигура в отечественном кино, да и вообще в нашей культуре. Это понимают все. Только не все осознают, какую роль он сыграл в личной жизни каждого из нас, какое значение имело и имеет то, что он сумел сотворить в своей жизни. Масштаб личности Рязанова всё время сопрягался шутниками с масштабом его тела, с крупными габаритами крупного художника. Кто только не острил на юбилеях и капустниках по поводу его комплекции и любви «хорошо покушать»! Он и сам не упускал случая посмеяться над собой, если речь заходила о его весе и аппетите. И даже если не заходила, он сам эту тему начинал и развивал.

И я тоже однажды был вовлечён им в нескончаемый круговорот всех этих реприз относительно влияния высококалорийной еды на фигуру и вообще на организм (хотя замечу в скобках, что ничего экстраординарного в фигуре Эльдара Александровича не было. Мы знали и знаем людей значительно толще. Просто, вероятно, шутить по его поводу было больше не о чем).



Совместной фотографии с Эльдаром Рязановым у меня, к сожалению, нет. Но освежить в памяти читателя его нетленный образ я просто обязан.

Фотоматериал к кинофильму «Зигзаг удачи», студия «Мосфильм», режиссёр Э. Рязанов, 1968 г.

А дело было так…

Как-то раз он и его супруга Эмма пригласили меня в одноимённый клуб «Эльдар» выступить, то есть провести там мой сольный творческий вечер. Первое отделение превратилось в наш с ним этакий парный конферанс. Я выступаю, он в зале с супругой в первом ряду. Мы иногда перебрасываемся репликами. Эту игру затеял он, а я подхватил, стараясь не отставать от него в скорости реакции и готовности к шутке.

Ему, вижу, всё нравится, но в антракте я получаю от него записку с соответствующими пояснениями его супруги Эммы. Оказывается, несколько дней тому назад он на своей машине что-

то нарушил и был за это остановлен. Сотрудник ДПС, конечно, узнал Рязанова, но это нарушителя не спасло, ибо выяснилось, что его права просрочены чуть ли не на год. Популярность и авторитет классика кинематографа, наверно, выручали раньше, но здесь не сработало, и классик, как простой автолюбитель, был отправлен на медкомиссию, без которой, как известно, получение новых прав невозможно. В записке содержались сдержанные комплименты и извинение за то, что он не сможет присутствовать на втором отделении, так как завтра обязан явиться на медкомиссию к восьми утра! Тут стоял первый восклицательный знак, а дальше в скобках крупно, почти печатными буквами – «НАТОЩАК!!!». Именно с тремя восклицательными знаками. То есть ясно было, что к восьми утра – это возмутительно неприятно, но что не покушамши – это вообще катастрофа!

Я думаю, эта заметка-воспоминание сейчас бы его очень порадовала. Потому что с такими людьми надо прощаться тепло, без рыданий, с оптимистичным, дружеским воспоминанием, с надеждой на встречу в другом, ином мире.

Когда отмечали его очередной юбилей, телеведущая на одном из федеральных каналов порадовала удивительной фразой: «Эльдар Рязанов взял в фильм «Карнавальная ночь» Гурченко из-под палки Пырьева». Эта фраза меня так рассмешила, что я не удержался и позвонил к ним домой, чтобы этот «шедевр» телерепортажа им процитировать. Трубку взяла Эмма. Сначала хохотала она, а потом хохотал он. И я порадовался, что в тот день смог доставить ему удовольствие.

Был очередной фестиваль в Петербурге. Вижу, к моему ряду в зрительном зале пробирается он, Большой Эльдар, а в руках у него небольшая такая, но толстенькая книжечка. Он садится рядом, окатив меня при посадке ироническим комплиментом: «О-о! Я буду сидеть с самим Владимиром Качаном!» Я ему в ответ цитирую Ипполита из «Иронии судьбы»: «О, тёпленькая пошла!» – имея в виду температуру не заслуженного мною слова «самим», особенно по сравнению с ним, классиком в прямом смысле слова. После этой светской преамбулы он вручил мне то, что было у него в руке, – сборник своих стихов. Я открыл. Под обложкой было написано: «Дорогому Владимиру Качану с симпатией. Ваш Эльдар».

Я привожу здесь эту надпись не для того, чтобы похвастать, а лишь подчеркнуть, что если бы я в жизни вообще ничего не сделал, то был бы всё равно горд хотя бы тем, что такой человек мне так надписал сборник своих стихов и подарил его. Но этого мало. Он через минуту взял у меня его обратно, вытащил ручку и стал в нём исправлять опечатки и ошибки. Вероятно, хотел, чтобы

в подаренном сборнике был чистый текст, за который он отвечает. И это было вдвойне трогательно и драгоценно…

У него хотели сниматься все, все без преувеличения, даже те, кто был уже очень популярен и знаменит. Знаменитые хотели потому, что Рязанов – это в любом случае знак качества, а начинающие хотели и мечтали потому, что знали: сняться у Рязанова – всё равно что получить пропуск в славу, в другую жизнь, в другой виток биографии.

Мне ничего не довелось сыграть в его фильмах. Я никогда не просил у него этого, хотя… Хотя, быть может, и зря… Но зато у меня есть вот этот сборник стихотворений. И я сейчас вновь открою его и закончу этот короткий рассказ о великом и живом Эльдаре его же словами:

Хочется встретиться с тем, что утрачено.
Хоть на мгновенье успеть в это дальнее…
Только за всё, что промчалось, заплачено.

P. S. Последнюю строчку он зачеркнул и написал новую, ручкой, вот эту…

Жизнь! Улыбнись мне улыбкой прощальною…

Борис Хмельницкий

Робин Гуд в актёрской шайке

К юбилею моего друга Бориса Хмельницкого, состоявшемуся в Доме кино, был написан вот этот текст вместе с содержащейся в нём историей, которую вроде как не совсем прилично рассказывать, но только не ему и не тем, кто способен ещё посмеяться над собой. Есть люди, с уходом которых мир становится менее весел, праздничен; менее лёгкой и обнадёживающей становится жизнь. Но вспоминать хочется всё равно всё легкое, весёлое, что связано с ним, хочется относиться как к живому. Никакого почему-то желания плакать над могилой, потому что скорбь и Боря – несовместимы. Он шутил даже тогда, когда знал, что умирает, и никому не жаловался. Я на этих страницах шлю привет ему, как и всем, в чей уход организм отказывается верить, так как думаю, их души где-то там, в ноосфере, знают, чем мы тут без них занимаемся.

Вот это поздравление. Представьте, Боря жив, сидит в углу сцены среди букетов от поклонниц, хохочет над наиболее удачными пассажами своего товарища и думает – когда же всё это кончится, чтобы поскорее переместиться в ресторан и хорошенько выпить… Да, да, именно жив, и никак иначе!..

В Могилёве когда-то организовали мои регулярные приезды с выступлениями. Местная активистка Зоя теперь живёт в Израиле, но никогда не забывает поздравить меня с днём рождения или с Днём театра. Ей удалось создать в Могилёве некую театральную гостиную, хозяином которой как бы являлся я. И я

начал приглашать в эту «гостиную» моих друзей, знаменитых уже к тому времени артистов. Выступать, разумеется. Вдвоём. Я привозил туда и Льва Дурова, и Семёна Фараду… Вот и Борис там однажды оказался. Он всегда выступал очень хорошо. В жизни Боря сильно заикался, и было непонятно, как при таком дефекте речи он способен быть артистом. Однако он выходил на сцену или концертную площадку, и происходило чудо: заикание куда-то исчезало, и он превосходно читал или пел. Я думаю, что не буду ничего преувеличивать, если скажу: его любили все… И он того стоил… Здесь, на этом фото, мы с ним вдвоём

Вот, например, мы здесь вместе со Львом Дуровым. Эта лишённая эротики фотография сделана на кинофестивале в Анапе. Дуров – отдельная история, описанная в этой же книге. Тощий красавец Борис Хмельницкий, плотного телосложения автор и выдающийся артист театра и кино Лев Дуров. Все смеются, в худшем случае – улыбаются

А вот это 1996 г. Агитационно-концертная бригада, руководимая Максимом Дунаевским и выступавшая под лозунгом «Голосуй, а то проиграешь!». Вы видите здесь и Бориса Хмельницкого, и Александра Панкратова-Чёрного, и болгарского певца Бисера Кирова, ставшего потом культурным атташе посольства Болгарии в Москве. Финальный поклон в полном составе

Один знакомый сказал про Хмельницкого: «Он не просто красив, он живописен». Его изумительная самодостаточность и уверенность в своей неотразимости могли бы удивить любого домашнего породистого кота, который прыгает к вам на колени, твёрдо зная, что его не прогонят и – более того – что он любим и будет обласкан. А как же иначе, если я прекрасен. Не полюбить совершенство сразу, с порога, могут только конченые идиотки, ничего не смыслящие в красоте и гармонии. Сказать о Борисе «секс-символ» и тем самым поставить его в длинный ряд мужчин той же категории, которую произвольно, по своему вкусу назначают журналисты, – это значит принизить его мужские достоинства. Он не похож ни на кого. Разве что на седого льва, уставшего от побед и отощавшего от того, что ему надоело мясо и попросту лень охотиться. Его серебряная грива и импозантная борода сводили и сводят с ума женщин нескольких поколений. Интересно, что в этот реестр входят и молодые девушки, которым тоже лестно приблизиться к совершенству и которые ошибочно полагают, что он уделит им время и научит высокому искусству

любви. Они ещё не знают, что главные интересы в его жизни – это бильярд и выпить. Ну и немного музыки… Однако они могут рассчитывать на кратковременное – но зато шикарное – ухаживание, ибо Борис добр и щедр по природе. Он угощает и дарит. А главное, сам испытывает от этого огромное удовольствие.

Но иным неудачницам не выпадает даже малая толика счастья. Не везёт! Так однажды в Петербурге к Борису в гостиничный номер привели двух поклонниц, готовых буквально на всё ради автографа и нескольких минут общения с этим русским викингом. Коньяк был им к тому времени не просто пригублен, а пригублен изрядно. Борис царственно откинулся на стуле и решил позволить себя любить. Сделал он это весьма своеобычно и в свойственной ему манере, которая возникает, когда в его организме вибрирует более трёхсот грамм крепкого алкоголя. Буквально через несколько минут после появления барышень он задал им сакраментальный вопрос, выраженный с более чем солдатской прямотой: «Мы сегодня е…я будем?» Тут повествование должно прерваться, так как в русском языке нет литературного определения действия, которое Борис облёк в неопределённую форму матерного глагола. Есть скучные синонимы, известные всем. Но вы, конечно, уже догадались, что именно предложил Борис опешившим девчушкам, чем сразу перевёл вечеринку из светского русла в канализационный сток.

В принципе, девушки были не против, они даже надеялись на что-нибудь подобное. Но чтобы вот так… сразу… не предложив даже шампанского, не спросив, как зовут, и вообще… Поэтому они растерялись и не знали, что ответить, на лицах появилось забавное выражение смятения. Обидеться, отшутиться или шутя согласиться? Но озвучить согласие им не дали, времени на раздумье – тоже. Приняв их трёхсекундное замешательство за отказ, Борис своей второй фразой разбил все девичьи мечты. Он сказал: «Ну тогда пошли обе отсюда на х…й!» Потрясённые девушки робко поднялись и, одёрнув юбочки, чуть не плача пошли к выходу из номера. «Мы же согласны, так за что же нас так?!» – светился немой вопрос в их глазах, уже полных слёз. А далее Борис вдруг повёл себя как доблестный рыцарь Айвенго. В прихожей он стал подавать им пальто и соорудил фразу, которую я буду помнить, даже умирая. Он сказал: «Не знаю, как вы, а я бы сегодня со мной остался». Этот элегантный по сравнению со всем предыдущим эвфемизм было последнее, что услышали дамы. Дверь за ними захлопнулась. Слегка раздосадованный рыцарь вернулся в комнату и зло посмотрел на меня, корчившегося от смеха в своём кресле. «Вот ты сегодня с собой и останешься», –

сказал я ему между спазмами хохота.

К этому человеку я отношусь совершенно по-братски. Ко всему прочему, мы родились в одном городе, в Уссурийске. И в нашей жизни был один вполне мистический случай. Мы участвовали в концертной поездке по Дальнему Востоку. К сожалению, Уссурийска в гастрольном плане не было. Через него мы проезжали глухой ночью по дороге из Биробиджана в Хабаровск. И вот часа в четыре утра я отчего-то проснулся в купе, сел на полке, выпил воды и посмотрел в окно. Надо сказать, что после рождения я в Уссурийске ни разу не был. Итак, сижу я в купе, смотрю в окно. А там и не видно ничего, ночь. Поезд замедляет ход. На соседней полке заворочался Боря, тоже сел, выпил воды… Поезд встал. Боря говорит мне: «Что за станция? Пошли на перрон, покурим». Мы вышли. Перрон был пустынным, над ним висел влажный туман. И метрах в ста над зданием вокзала светились из тумана большие красные буквы: «Уссурийск». Мы с Борей так никогда и не могли понять, что подняло нас посреди ночи и почему мы вышли на перрон?..

Детство его прошло в Уссурийске, юность – в Хабаровске. Потом длинная жизнь в Москве с крутыми виражами биографии. Но детство, мальчишество остались в нём по сей день. Способность и готовность к шутке, розыгрышу, а главное – столь же детская неистребимая потребность устраивать праздники – себе, близким и родным, друзьям, женщинам, всем дорогим его сердцу людям. И сегодня устроил праздник. И у меня есть вполне обоснованное подозрение, что устроил не для себя, не для того, чтобы этак помпезно отметить дату. А для того, чтобы собрать вместе любимых людей и сделать так, чтобы им было хорошо, нескучно, радостно. В один календарный день, на несколько часов, свободных от проблем, «свинцовых мерзостей» нашей жизни. День, вечер, состоящий только из взаимной привязанности, симпатии и добра. С твоим персональным Новым годом тебя, Боря!

«Мохнатый Хмель»[2] и «душистый Хмель», —
Михалков спел про Борю в кино.
И опять чья-то дочь, за Хмельницким – в ночь.
Пусть осудят, а ей – все равно.
Так вперёд, за Хмельницкой душой кочевой,
Попадая – то ль в рай, то ли в ад.
Чьи глаза глядят с бесприютной тоской? —
Это стих свой читает Панкрат[3].
Мохнатый Хмель, пусть прошёл апрель
В его жизни хмельной, озорной.

На дворе лишь июнь, и Бориска всё юн,
Поздравляемый всею страной.

Анатолий Эфрос

И тогда придёт Эфрос

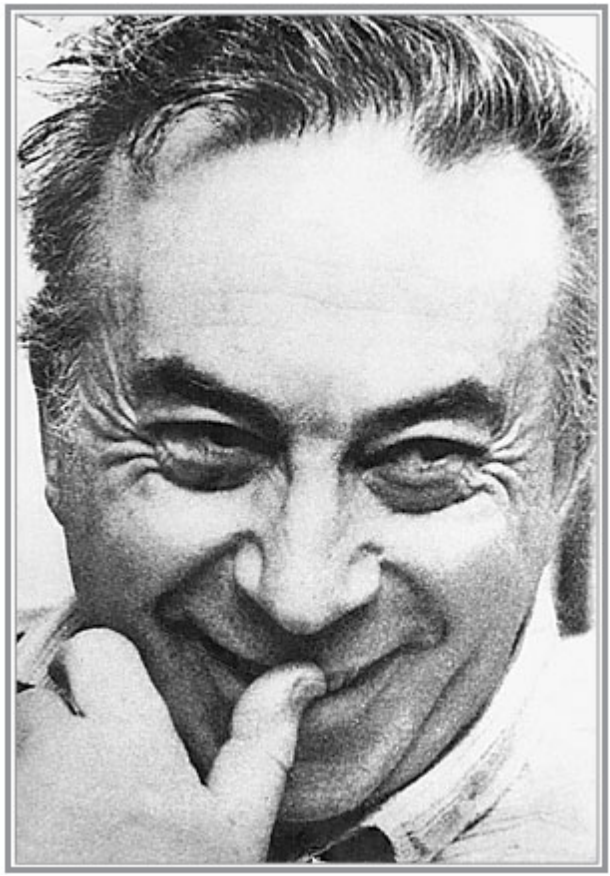
Что остаётся после режиссёра или актёра, даже названного впоследствии великим? Воспоминание, легенда, улица или переулок его имени? И это в лучшем случае, ибо прерогатива нетленного – всегда за литературой, музыкой или живописью, выраженных предметно – в словах, нотах, красках. А что за создание спектакль? Это как возведение воздушного замка или карточного домика: вот он построен, вот он виден, вот он в цвете и звуке – кончился и рассыпался…

Как удержать, зафиксировать хрупкую интонацию Яковлевой, подвижную и плотную, как ртуть, энергетику Дурова, драматическую смурь и изящную неуклюжесть Волкова? Я нарочно употребляю, казалось бы, несовместимые слова, так как изящная неуклюжесть возможна была только в его, Эфроса, спектаклях. На пленке не получается: что-то главное уходит, не берёт его целлулоид. Даже в книгах самого Мастера – тоже не получается, потому что бессильно слово перед аурой живого спектакля. Перед тем полем, которое создавалось на два-три часа, чтобы постепенно погаснуть с огнями рампы, но ещё долго светить в глазах и душах людей, посмотревших, скажем, эфросовский спектакль «Месяц в деревне». Как удержать и зафиксировать искусство сиюминутное, творящееся на наших глазах, столь же быстротечное и прекрасное, как тихо падающий снег? Каждый, наверное, испытывал такие острые, чувственно-прекрасные моменты в своей жизни, которые хотелось удержать, внутренне сфотографировать и спрятать в альбом. А они ускользали. И пойманная в ладонь снежинка неизбежно превращалась в воду.

Эфрос на репетициях мог запросто отказаться от находки, за которую другой режиссёр уцепился бы и довёл до премьеры. А расточительный Эфрос с поистине моцартовской лёгкостью отмахивался: «А-а! (небрежный взмах рукой). Завтра придумаем что-нибудь другое». И назавтра происходило что-то иное. Если не лучше, то, во всяком случае, не хуже вчерашнего.

Он возвращал артиста к исконному смыслу профессии, к её радости – игре. «А давай попробуем так. А если наоборот, если она так, то ты как?» И артисты на время становились детьми, как и он сам. Настолько занимателен был этот процесс, столько было в нём кайфа (кайф для меня – нечто среднее между удовольствием и счастьем: удовольствие в этом случае – слишком слабо, а счастье – слишком сильно), что конечный результат – когда уже есть зритель, когда премьера – становился как бы не

важен. Мне было жаль зрителя, который не участвует вместе с нами в этой игре. Но… каждому своё. У зрителя свой кайф. Он сначала увидит всё извне, а потом его сделают соучастником спектакля. Придут катарсис, смех, слёзы, радость и горечь узнавания себя в той или иной ситуации. И ещё будет ощущение того, что тебе преподали урок вкуса. Эфрос, как никто, умел дать столько, сколько надо, чтобы зрителю ещё осталось додумать и допереживать, чтобы осталась счастливая возможность об остальном догадаться самому.



Из всех театральных режиссёров последних десятилетий он для меня и, конечно, не только для меня – самый лучший, самый тонкий, самый интересный. Со мной, конечно, согласились бы все персонажи этой книги, а особенно Лев Дуров и Михаил Козаков, которым довелось очень плотно поработать с Анатолием Васильевичем Эфросом. Да и мне посчастливилось. И вот одно из доказательств моих слов…

Это эпизод из спектакля Театра на Малой Бронной «Лето и дым» Теннесси Уильямса. Поставил, естественно, Анатолий Эфрос, и в главной роли, столь же естественно, была Ольга Яковлева. Главную мужскую роль, не столь удачно, как Ольга, исполнил автор этих строк

В том, что делал Эфрос, не было конкретики, определённости борцов за народное счастье. Нет, он далеко не борец. Он плакал, когда у него отбирали Ленком…

Было бы неплохо, если бы наши начальники, те, что отнимают и раздают театры, не относились бы каждый к себе как к мессии, а к своим делам – как к миссии. Они не жалеют и больно бьют, а иногда и промаргивают художников-неборцов. С борцами-то как раз всё в порядке: они – свои, даже если в оппозиции, группа крови – та же. А вот неборцы – те чужие, как правило, всё о вечном, дурачки малахольные, а нам надо сейчас, «вчера было рано, а послезавтра – поздно».

И вот такой неборец Эфрос попадает в Театр на Таганке, в театр окрепших и закалённых в борьбе за место под солнцем людей. Представьте себе, что георгин по идиотской прихоти судьбы попадает в заросли крапивы. В этой истории нельзя искать виноватых. Нельзя учить крапиву цвести и пахнуть, у неё другие достоинства. Она выживает в тяжёлых условиях, кусается, растёт высоко и мощно, и из неё получается чрезвычайно полезный, полный витаминов крапивный суп.

Эфрос был другим. Когда он пытался стать борцом, эдаким

крапивным георгином – ему это так не шло, что сразу становилось ясно: не его язык, не его метод, не его искусство, не его среда. Он потерял почву под ногами. И умер.

Может, кто-то сочтёт эту аналогию дерзкой, но я намеренно ставлю в один ряд (по качеству таланта, по весёлой лёгкости и естественности): Моцарт – Пушкин – Эфрос. Пушкин тоже иногда воображал себя борцом: и руку тренировал тяжёлой тростью, и стрелять учился, фехтовал здорово. И ребячески высоко ценил эти умения в себе ещё и потому, что они были непреходяще важными в глазах света, который он уважал непонятно за что. Насколько же этот борец оказался ранимым и не защищённым от грязной сплетни, от того, как он выглядит в глазах света, от пошлейшей насмешки, пусть даже воображаемой! Вот и Эфрос поднимал тяжести и иногда воображал себя борцом, чувствуя, наверное, что на земле, где он живёт, это качество необходимо.

Я всё ищу определение эфросовскому дару. Мне всё время хотелось его каким-то словом назвать. И теперь я знаю: талант Эфроса был грациозен. В живописи есть борец – Микеланджело, и не борец – Модильяни, и в музыке есть борец Бетховен, но есть и Моцарт – не борец. Да и в режиссуре мы знаем борца Ефремова и вовсе не борца Эфроса. И нет необходимости уничтожать одних, чтобы жили другие. Хотя по какому-то дьявольскому закону грациозный талант, идущий своей дорогой, погибает первым. Ибо он – мешает, ибо он – бесконечный и мягкий упрёк всем кусающимся, царапающимся и крикливым. Но ничего, ничего… «Ни словечка, ни улыбки – немота. Но зато… дуэт для скрипки и альта», – как в стихах Давида Самойлова о Моцарте.

Так что же всё-таки остаётся после режиссёра? Остаётся немного. Всего лишь несколько поколений людей, видевших эти спектакли и благодаря им изменившихся, воспитавших затем своих детей по-другому. И вот вам абсолютно материальное воплощение эфемерного, воздушного искусства театра. Эфрос показал не то, во что нас бесконечно тычут сегодня, – как жить нельзя. Он намекнул нам, как жить надобно. Наметил если не конечную цель, то направление, неустанное стремление к красоте, добру, гармонии – к Богу. Он развивал в нас ещё один орган чувств. Быть может, кому-то он и не нужен, но это жертвенная, созидательная работа на отдалённое будущее, на которое всегда надеются люди высокого творческого полёта.

Вот я сижу в зале и смотрю «Месяц в деревне». Я даже не могу уловить момент, с которого всё началось. Когда меня начала затягивать эта таинственная, мощная магия, когда я стал соучастником этого действа, когда начал переживать, с каких пор у меня мокрое лицо, и я даже не очень понимаю – почему? И вот

уже моя душа, очищенная непостижимым образом от всего, что находится за пределами этой театральной коробки – от смрада и грязи, от злобы и невежества, от… боже мой! да от всего того, что там, – моя бедная душа стонет и мается и спрашивает вновь и вновь: зачем я родился? Как приходит и куда уходит любовь? Для чего мы живём? Отчего так быстро проходит жизнь, а мы так и не успеваем понять, что такое красота и счастье?! Я тихонько смотрю влево и вправо, мне неудобно, что я так раскис, и вижу, что слева и справа – то же самое: у всех заплаканные и несколько смущённые лица. Нам всем слегка неудобно, нам стыдно за то, чем, в сущности, надо бы гордиться, за то, что наши души умылись наконец и открылись навстречу небесной музыке добра и сострадания. И всё это – через узнавание, через призму собственной жизни, к которой у нас столько вопросов. Как это сделано?! «Уму непонятно!..» Разве только сердцу. Искусство такого ранга, такого класса – прямой проводник от Бога к человеку, прямое обращение Его к нам.

Абсолютно точно утверждение, что писатель всю жизнь пишет одну книгу. У Чехова, столь любимого Анатолием Васильевичем, в «Вишнёвом саде» Аня мечтает «насадить новый сад, роскошнее этого». В «Дяде Ване» Соня верует, что «мы услышим ангелов, мы увидим всё небо в алмазах». И наконец, надеется Вершинин в «Трёх сёстрах», «что всё же вы не исчезнете, не останетесь без влияния. Таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока наконец такие, как вы, не станут большинством. Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной».

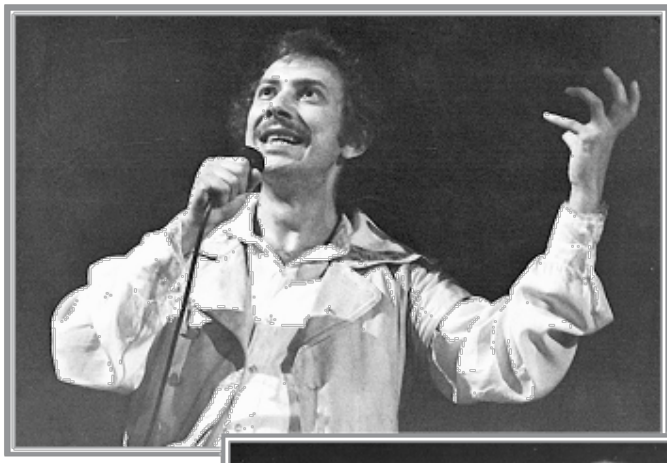
И тогда… придёт… Эфрос!..

Три мушкетёра плюс один

Последний спектакль

Я хочу рассказать вам о самом ярком впечатлении от всей моей театральной жизни. И это станет не премьера какая-нибудь, а последний спектакль «Три мушкетёра». Я уже работал у Эфроса и только доигрывал в ТЮЗе «Мушкетёров». И все знали, что этот спектакль последний, что больше не будет. И зрители узнали – и пришли прощаться. Всё, что хотелось сказать о любви, дружбе, верности, чести, обо всех этих сформированных с детства идеалах, плывущих под алыми парусами романтизма, о котором я здесь уже столько наболтал, – всё это в нашем мюзикле было спето, сыграно, оттанцовано и отфехтовано. Все играли словно под допингом «последнего раза». Будто прощаясь не со спектаклем, а с жизнью, юностью, будто ничего лучшего не будет, только это, только сейчас и в последний раз! Как выкрик перед гибелью!

И наступила минута финальной песни: «Когда твой друг в крови, будь рядом до конца. Но другом не зови – ни труса, ни лжеца!»



Про спектакль МТЮЗа «Три мушкетёра» уже всё сказано, отпето и полузабыто. Но для тех, кто этот спектакль любил и ходил на него не один раз – вот пара фотографий оттуда, из того прошлого, которое можно было бы вычеркнуть из памяти, да всё никак не вычёркивается, люди напоминают

Я пел так, как никогда и ничего больше не спою. И ребята подхватывали припев так же. Мы были разными: хорошими, плохими, иногда подлыми и лживыми – артистами, словом, – но всё лучшее, что в нас было, мы вложили в тот спектакль и в ту прощальную песню. Как мы были красивы, как благородны в эти три минуты! И весь зал вместе с нами! «Ни труса, ни лжеца! – прокричал я последние слова, весь дрожа, и добавил от себя: – И всё!!!»

Всё – это всё в прямом смысле. Прощайте все!

И, близоруко таращась в зал сквозь пелену слёз – и тоски и восторга одновременно, – я вдруг увидел, как первые ряды встали, а за ними и все остальные, и добрая половина из них стала вытирать глаза и вынимать носовые платки. И в эту секунду

я понял смысл своей профессии, что она не просто лицедейство, она – вот для этого; я вдруг всем, что есть во мне, почувствовал на несколько секунд счастье – что всё не напрасно, не зря…

Минут десять они ещё хлопали, благодарные нам за своё собственное благородство и красоту…

Всё это было будто вчера. Поэтому сейчас мы обойдёмся без грустных глаголов в прошедшем времени – «было», «был» и др.

Двадцать лет спустя

Наш Портос стал инвалидом от тяжелой болезни и теперь редко появляется на этой даче. Но всё же иногда, хоть и с протезом, садится за руль и приезжает. У него два сына-красавца, жена-художница и ещё огромный дог (ну не с болонкой же гулять Портосу, это скорее Арамису подходит). Вот, кстати, и Арамис идёт по этому же дачному посёлку, он живёт тут же, неподалёку. У него, правда, не болонка, а карликовый пудель, но это где-то рядом… Арамис ушёл на пенсию, поэтому большую часть года проводит именно на даче, а там его основное занятие – рыбалка. Ещё у него там большая библиотека детективов. Потому, вероятно, что интрига и действие с захватывающим сюжетом всегда были слабостью и того Арамиса – из Дюма. А ещё он выращивает цветы и гордится идеальным газоном на своём участке (не иначе как утончённый вкус Арамиса и тут помог).

Дача д'Артаньяна тоже рядом. Он наведывается сюда летом со своей женой, королевой Анной Австрийской, и сыном. Королеву часто можно застать ползающей по своему скромному огороду в попытках возделывать сельскохозяйственные культуры, потому что д'Артаньяну с сыном нужны витамины. Лучше всего ей удаются лук, петрушка и кабачки, потому что они практически растут сами, лишь бы поливали… В семье д'Артаньяна тоже есть собака, овчарка. Интересно, что собаки вполне соответствуют склонностям героев знаменитого романа, которые совпадают со склонностями артистов, их сыгравших. Сами посудите: дог Портоса, карликовый пудель Арамиса и овчарка д'Артаньяна. И не только собаки… Не думайте, я не забыл про Атоса. Вы будете смеяться, но его дача тоже здесь, по соседству с д'Артаньяном, буквально через дом. Чаще всего Атос на даче один, потому что его жена очень занята на работе и приезжает редко. У Атоса нет собаки, у него попугай. Теперь смотрите: ведь граф де ла Фер был тоже весьма одинокой фигурой, и у него тоже вполне мог бы быть попугай: надо же с кем-то разговаривать хоть иногда… Наш Атос с успехом выращивает овощи, у него растут помидоры и огурцы, которыми можно справедливо гордиться. Так же как и баней, которую Атос построил сам, своими руками.

Вы можете подумать, что я вру, но, как воскликнул бы д'Артаньян: клянусь честью! – де Жюссак тоже тут. Первый дуэлянт кардинала построил не только баню, но и весь дом своими руками. Оказалось, что он на все руки мастер; практика показала, что шпага – далеко не самый полезный инструмент в нашей жизни, что рубанок и молоток – для выживания лучше. Ну-

с, никого не забыл? Ну как же! Как я мог не упомянуть про Констанцию Бонасье! Всё-таки первая любовь первого мушкетёра! Тем более что её шесть соток буквально в двух шагах от его. Констанция бывает тут редко: много хлопот в городе, театр, а кроме того, у неё магазин… Надо будет спросить как-нибудь: не французской ли одеждой её магазин торгует? Это было бы совсем грациозно!..

Даже одна из кармелиток Бетюнского монастыря с редчайшей фамилией Иванова проживает на даче тут же. Ну и де Тревиль, конечно. Только уже из кино. Лев Дуров опять-таки здесь, а не где-нибудь ещё. С ним, с Тревилем, дружит д'Артаньян, что совершенно логично. Капитан королевских мушкетёров и должен питать слабость к своему протеже, не с семьёй же Бонасье ему дружить, хотя их дача и ближе…

Ну! Как вам нравится эта цепь случайностей?.. Самое интересное, что всё это чистая правда, а выглядит так, будто я всё специально придумал. Удивительно, но факт: всё мушкетёры – садоводы и другие действующие лица того спектакля (кроме Дурова, конечно, но и он попал в эту палитру, потому что де Тревиль) собрались через годы в одном месте, недалеко от Сергиева Посада; в местечке под уютным, вполне бытовым и незамысловатым названием «Садовое товарищество „Актёр“». И это доказывает нам, что у Провидения – своё специфическое чувство юмора…

Часто люди, видевшие тот спектакль, спрашивают меня о нём. Я досадливо отмахиваюсь, будучи убеждённым в том, что прошлое, каким бы оно ни было прекрасным, пусть останется в прошлом. Оглядываясь назад, рискуешь споткнуться. И в этой книге я хочу наконец попрощаться с прошлым навсегда. Без слёз и сожалений, улыбаясь ему вслед тепло и благодарно.

Эпилог

…тепло и благодарно. Но это касается не только того спектакля, да и вообще всего, чему в прошлом можно было радоваться, и всего того, чего приходится стыдиться. И сожалеть, что нельзя вернуть тот эпизод, тот поступок, те твои слова – всё то, что хотелось бы исправить, но уже невозможно. И это прошлое – и радостное, и постыдное – остаётся там, в тумане времени. Однако с учётом того, что было, можно ведь сегодня жить иначе и стараться не обижать людей, не повторять скверных ошибок и не наступать на те же самые грязные грабли. И то, что скрыл туман времени – личное дело каждого: у кого скелет в шкафу, у кого там же – кукла Барби, у кого старые фотографии и смятые письма, а кто-то навсегда запер свой шкаф, а ключ выбросил.

Название этой книги «Аплодисменты после» – похоже, правильное, отвечающее содержанию, но не полное. Потому что действующие лица этой книги – действуют. По-прежнему действуют на наше воображение, наши чувства, наши привязанности и антипатии. Они продолжают жить с нами, и всякий раз, когда нам удаётся встретиться с ними на экране, в книге и в чьём-то живом рассказе – мы с радостью ещё и ещё раз аплодируем им, понимая, что каждый из них сделал нашу жизнь богаче и праздничнее.

notes

Примечания

1

Тот, для кого это имя – звук пустой, может из любопытства заглянуть в энциклопедию или обратиться к Интернету.

2

Прозвище Бориса.

3

Друг Бориса Александр Панкратов-Чёрный.